

INSPIRIA

ЛОРА МЭЙЛИН
УОЛТЕР

18+

Созвездия мей

INSPIRIA

Universum. Магический реализм Лоры Мэйлин Уолтер

Лора Мэйлин Уолтер

Созвездия тел

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уолтер Л.

Созвездия тел / Л. Уолтер — «Эксмо», 2021 — (Universum.
Магический реализм Лоры Мэйлин Уолтер)

ISBN 978-5-04-169832-4

Селесте Мортон очень хочется повзрослеть. Как и все девочки, она родилась со множеством родинок, веснушек и родимых пятен, способных определить будущее: ее и близких ей людей, – а с наступлением зрелости появятся новые предсказания и укрепят пророчество. Но вместе с ожиданием приходит и страх – в период «превращения» девочки становятся неотразимы для мужчин. Брат Селесты, Майлс – талантливый чтец будущего, что несвойственно мужчинам, – собирается тренироваться на сестре, чтобы прочесть свою судьбу. Когда Селеста меняется, раскрывается секрет, способный разрушить Майлса, разрушить семью, разрушить все... На что они пойдут, чтобы создать по-настоящему свое будущее? «Созвездия тел» – это смелое, тревожное и трогательное произведение о судьбе женщин в мире, так сильно похожем на наш, но в романе Лоры Мэйлин Уолтер каждая девочка обладает уникальными чертами: по узорам их родимых пятен можно читать будущее. Уолтер написала невероятно красивую историю о современных проблемах: как быть женщиной в мире агрессивных мужчин и перестать чувствовать себя жертвой.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-169832-4

© Уолтер Л., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

I. Возможность	7
1	8
2	15
3	22
4	29
5	35
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Лора Мэйлин Уолтер

Созвездия тел

Laura Maylene Walter
BODY OF STARS

Copyright © 2021 by Laura Maylene Walter

© Ключарева Д., перевод на русский язык, 2021

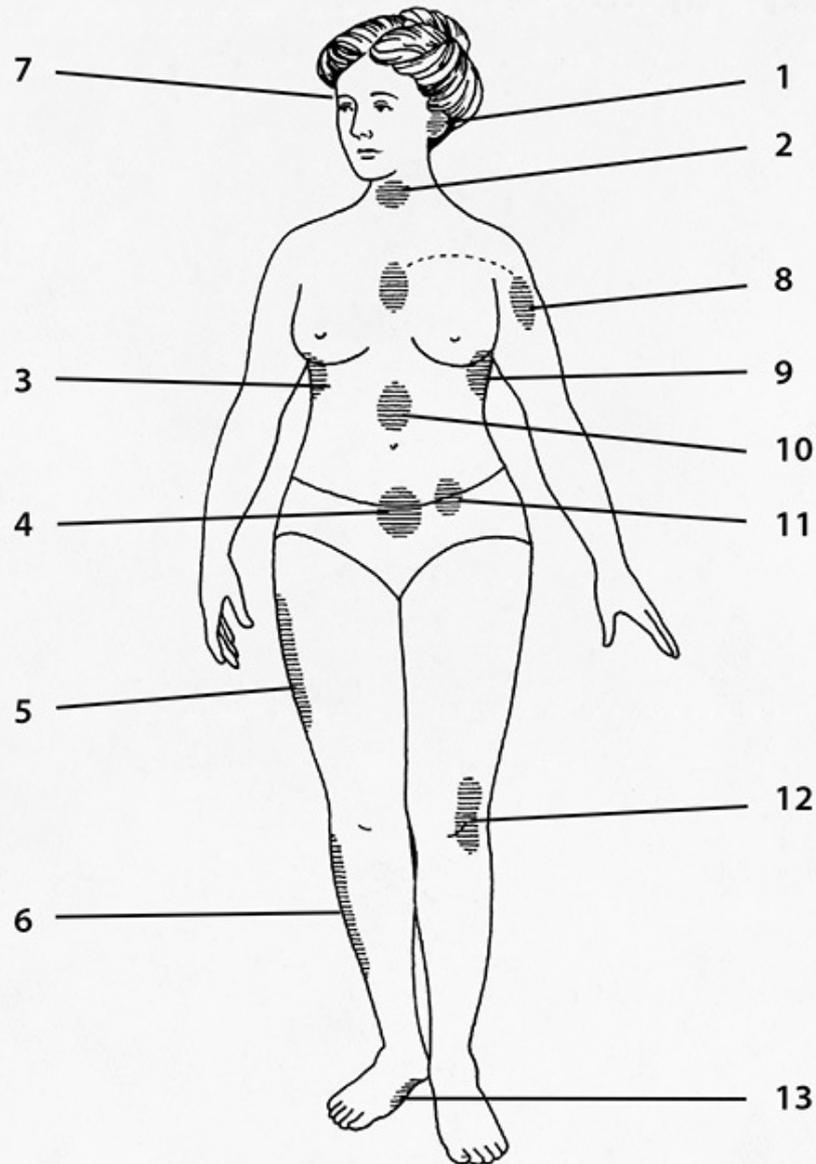
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Худе и Дженифер

I. Возможность

Картография будущего:
справочник по толкованию девочек и женщин

Стандартное расположение меток, вид спереди

1. Умственные способности	8. Романтические увлечения
2. Личные качества	9. События и перемены
3. Дружеские отношения	10. Эмпатия
4. Близкие родственные связи	11. Интуиция
5. Дальние родственные связи	12. Субординация и труд
6. Здоровье и спорт	13. Индивидуальные черты
7. Успеваемость	

1

С того самого дня, как я родилась, мой брат Майлс читал меня словно карту, водил пальцами по созвездиям веснушек и родинок на моем теле, стремясь узнать мое будущее и, вероятно, свое. В те ранние годы мое тело принадлежало ему в той же мере, что и мне. Делить с ним тело означало не возражать, когда он задирает мне майку или свитер, чтобы отыскать на коже указания на то, что должно произойти. Я не возмущалась, поскольку верила, что мы были единым целым, что предсказания, размеченные на моем теле, были и частью его. Мы вместе осваивали ремесло, требовавшее постоянной практики. Он подлавливал меня за завтраком или в коридоре на втором этаже и спрашивал, можно ли еще раз кое-что проверить – словно мои отметины могли как-то перемениться, чего, как нам обоим было известно, в природе не случается. По крайней мере, пока что не случилось.

Когда я стала старше и видеть меня без одежды Майлсу больше не полагалось, он принялся изучать мои руки, пристально вглядываясь в созвездие родинок над левым локтем. «Везет тебе, – говорил он. – Ты знаешь, что тебя ждет».

Так и было. Как у всех девочек, на коже у меня был размечен весь мой жизненный план. Во время совместных ночевок мы с подружками раздевались до нижнего белья и читали по телам друг друга, что ждет нас в будущем. Мы долго всматривались в отметины на поясницах – в этом месте родинки рассказывали о любви и романтических увлечениях. «Тебя ждет несколько влюбленностей», – говорила Мари Кассандре, и Кассандра, изучив спину Мари, с удивлением говорила в ответ: «Ты будешь жить с женщиной» – хотя смысла этих слов ни одна из нас в том возрасте еще не понимала. Мы знали лишь то, что перипетии наших жизней были рассыпаны по нашей коже с самого начала, и так же было и с нашими матерями, и с нашими сестрами, тогда как наши братья и отцы жили в неведении.

Майлс годами изучал каждый дюйм моего тела и документировал все мои отметины у себя в тетради. Это была толстая тетрадь с голубой обложкой и нелинованными страницами. Иногда я тайком пробиралась к нему в комнату и листала ее, разглядывая маленькие чернильные точки, так сильно вдавленные ручкой в страницы, что из-за скопления бугорков на их обратных сторонах тетрадь походила на книгу для слепых. Мне было почти шестнадцать, и детским отметинам, описанным братом, вскоре предстояло устареть – до появления у меня взрослых отметин оставалось уже недолго. И я знала, что он сразу же захочет исследовать обновленную карту моего тела.

Лето и ранняя осень того года, предвсравившие мой шестнадцатый день рождения, были эпохой неопределенности, риска и новизны. Все девочки вокруг меня вступали в переходный возраст, и спустя совсем немного времени я к ним присоединилась. Бедра стали шире, я подросла и набрала вес. Я понимала, что эти перемены затрагивали не только мое физическое тело. Вскоре все должно было измениться – мои предсказания, мои ожидания, мое будущее. Вся моя жизнь.

Домашний экземпляр книги «Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин», старинного издания в кожаном переплете, передававшегося в нашей семье от поколения к поколению, лежал на камине в гостиной, но Майлс частенько утаскивал его к себе. Увлечение брата толкованием я считала одной из его странностей, чем-то наравне с его отвращением к шоколаду и тем фактом, что он левша. Толкование считалось женским делом, и то, что Майлс часами просиживал над книгой, изучая комбинации отметин и предсказания, казалось довольно вздорным занятием. Его любовь к толкованию была одержимостью, дикостью, страстью, которую он не контролировал. Наблюдать за тем, как Майлс развивает в себе

ремесло, которым вообще-то не должен владеть, – которое не должен любить, начнем с этого, – само по себе было ценным уроком.

Как же много времени мы проводили в те дни вместе! В августе жара загнала нас в подвал – темное пространство с земляным полом и балками, затянутыми паутиной. Мы пробрались мимо уставленных друг на друга коробок в укромный уголок прямо под кухней, откуда сверху до нас долетали бестелесные обрывки материнского голоса. В детстве мы прятались там, чтобы подслушивать родителей, но в тот раз нас привели туда духота и скука. Мы сидели на полу, прислонившись спинами к бетонным стенам, позволяя их прохладе просачиваться сквозь нашу кожу. Годы спустя я буду вспоминать тот день как поворотный момент, после которого наши отношения ухудшились и между нами пролегла бездна. Но в тот момент нам просто хотелось хоть чем-нибудь себя занять.

– Давай сыграем в «Знаешь ли ты», – предложила я. Эта игра была нашим собственным изобретением – мы придумали ее давным-давно, в какой-то из летних дней вроде сегодняшнего, но не играли в нее уже лет сто.

Майлс поискал в кармане монетку.

– Выбирай, – велел он, и монетка закрутилась в тусклом свете подвала. Орел или решка. Я выбрала орла, но, когда он прихлопнул монетку к руке и отнял ладонь, там оказалась решка. По его лицу скользнула хитрая ухмылка. Брату было почти восемнадцать, но он по-прежнему умел принимать по-детски озорной вид, как двенадцатилетний мальчишка, добившийся своего.

– Дамы вперед, – сказал он.

Загадывать первой было невыгодно, но меня это не смутило. Я повернулась и написала отгадку на земле позади себя, где ему ее было не видно.

– Знаешь ли ты, – начала я, – что, возможно, физкультура у старших классов скоро будет проходить совместно, как в младших классах?

Он удивился:

– Сомневаюсь, Селеста.

– Вот послушай. Мама Кассандры состоит в школьном попечительском совете, и вчера у них было собрание. – Ложь в этой игре выходила более убедительной, если подмешать в нее немного правды. Я принялась объяснять ему, что один из попечителей выступил за смешанное обучение, потому что это помогло бы девочкам и мальчикам воспринимать друг друга как ровню. Кроме того, объединив классы, можно было бы сэкономить деньги.

Пока я все это рассказывала, брат смотрел на меня с кривоватой ухмылкой, сигнализирувавшей, что я его не убедила.

– Будь это правдой, – сказал он, – ты бы гораздо раньше мне рассказала.

– Приберечь информацию для игры – хорошая стратегия. Ты сам меня этому научил. – Меня захлестнуло уверенностью, пониманием, что я могу врать сколько влезет, если это поможет мне выиграть. – К тому же ничего еще не решено. Это же просто идея, которую кто-то предложил на собрании.

Майлс покатал монетку в ладонях. Я видела, что в голове у него проносятся мысли о возможных последствиях совместной физкультуры – что девочки, которые только что обзавелись взрослыми отметинами и потому пребывающие на пике привлекательности, будут вынуждены близко контактировать с парнями из школы. Но поскольку именно в этом и крылся весь сок моей истории, он же и подвел меня к провалу.

– Ложь, – наконец произнес Майлс. – Родителей возмутила бы идея подпустить их дочерей-превращенок во время физкультуры так близко к парням.

Не успела я сделать еще одну попытку его переубедить, как Майлс прополз мимо меня и посмотрел на отгадку, написанную на земле. «Ложь», – было накарябано там округлыми буквами.

– Так я и думал, – сказал Майлс. – Но попытка была хорошая, Селеста. Ты меня почти уделала.

Я подождала, пока он сотрет мою отгадку и напишет на ее месте свою собственную. Закончив, он, весь заляпанный пылью, уселся передо мной со скрещенными ногами.

– Знаешь ли ты, – сказал он, – что, после того как ты родилась, мама с папой пытались завести еще одного ребенка?

Я старательно сохраняла безразличный вид.

– Я знаю, о чем ты думаешь – что это невозможно, так как мамины отметины показали, что у нее будет только двое детей. – Майлс заговорил тише. – Но вот в чем дело. Они решили, что отметины могут о чем-то умалчивать либо недоговаривать. И что, возможно, имелось в виду, что детей будет *минимум* двое. Сама знаешь, как бывает. Некоторое время они даже думали, что мама беременна. У нее живот стал заметен, и все такое. – Он изобразил дугу над своим плоским прессом.

Я пристально наблюдала за ним, пытаюсь понять, с какой стати он загадывает настолько очевидную ложь – он что, меня испытывает?

– Тебе тогда было года три, – продолжал он, – а мне пять. Я помню это, но смутно. Они были счастливы. Мне все вспоминается, как они радовались, что появится третий малыш. Нас с тобой им было недостаточно.

Лицо у меня дрогнуло, но я сохранила выдержку. Я старалась не подавать виду, что начинаю верить в его историю.

– Но случиться этому было не суждено, – продолжал Майлс. – Довольно долго я думал, что все это мне приснилось. Сама мысль о том, что мама с папой решили, что смогут завести еще одного ребенка, казалась дикой. А потом я стал задаваться вопросом, что стало с беременностью. Случился выкидыш? Или это была одна из тех несуществующих беременностей? Кажется, такое называется ложной беременностью.

– Фантомная беременность, – сказала я. – Это редкость.

– Короче, я не стал уточнять. Думаю, они не признались бы, что вообще поверили во что-то настолько глупое.

– Ты прав, поверить в такое – и правда дикость.

Майлс выдержал мой взгляд.

– В таком и кроется самая настоящая правда, Селеста – в том, что кажется невозможным, в том, что мы храним в тайне. Я не заговаривал об этом раньше, потому что помню, как мама с папой расстроились, когда ничего не вышло. Они хотели того третьего ребенка, даже и, возможно, особенно потому, что обрести его им было не суждено – и смотри, что в итоге случилось.

Я не спешила нарушать повисшую между нами тишину. Это ведь неправда, это не могло быть правдой, и все же я не спешила с ответом. Майлс был мастером в этой игре. Он не стал бы озвучивать настолько нелепую идею, не продумав ее от и до.

– Пора отвечать, – сказал он. – Правда или ложь?

Я прикусила щеку. Меня подмывало сказать «ложь», но я не могла заставить себя произнести это слово. Я представила себе восторг родителей, узнавших, что у них может появиться третий ребенок. Я представила себе их боль, когда они узнали, что этого не случится, когда вынуждены были смириться с тем, что есть только мы с Майлсом.

– Ложь, – наконец сказала я. Это слово отозвалось во мне горечью.

Майлс пристально на меня посмотрел.

– Уверена?

Слабые солнечные лучи падали в подвал сквозь одно из цокольных окон и подсвечивали пыль, плавающую в воздухе. Под определенным углом лицо Майлса выглядело невероятно благостным – мерцающая пыль кружила над его головой как нимб.

Мать позвала нас сверху.

– Майлс? Селеста? – словно из-под воды донесся до нас ее голос. Чтобы привлечь наше внимание, она чем-то постучала по кухонному полу – может, ножкой стула или просто потопала ногой. – Поднимайтесь.

Я встала и стяхнула землю с шорт, радуясь возможности сбежать от этой игры и испытующего взгляда брата. Между нами возник разлом – тончайшая щель, которая, тем не менее, при давлении могла расширяться. Само предположение Майлса о том, что родители решили противоречить судьбе, казалось мне кощунственным. Выдумать что-нибудь эдакое ради игры – одно дело, но выстроить историю в таких шокирующих подробностях было жестоко. Уже было не столь важно, ложь это или правда, корень моего смятения был в том, что я не могла отличить одно от другого.

Возможно, я не так уж хорошо знала Майлса. Поэтому я не вынесла бы его присутствия в тот момент, когда увижу, что же он написал на земле. Я решила вернуться в подвал позже, одна – когда смогу без свидетелей узнать, правда это была или ложь.

На кухонном столе перед мамой была раскрыта книга в мягкой обложке – она читала ее, нарезая виноград в миску с фруктовым салатом. Когда мы появились на пороге, она подняла на нас взгляд.

– Вот вы грязнули. – Она отложила нож. – Идите умойтесь. Но сначала принесите мне «Картографию будущего». На камине ее нет.

– Она у меня, – сказал Майлс. – Сейчас принесу.

Он выскользнул из кухни, а я осталась разглядывать мать, склонившуюся над романом – глаза ее перебегали от одной страницы к другой. На ней была бирюзовая блузка без рукавов, слегка запачкавшаяся во время готовки, а волосы удерживал «крабик», которому не хватало двух зубцов. Мне было не по себе от ее небрежного вида, словно я была свидетельницей того, как она растворяется в энтропии. До замужества и рождения детей у нее была успешная карьера в сфере образования, и все это было предсказано ее отметинами – она приняла свое будущее, не имея возможности его избежать.

– Зачем тебе «Картография будущего»? – спросила я.

Мать перелистнула страницу.

– У персонажа в этом романе есть отметина, указывающая на долголетие. У меня есть похожая – хочу найти обе версии и сравнить их.

Речь шла об отметине на мамином левом бедре. Помню, как ребенком разглядывала ее, когда мы вместе оказались в примерочной: одна линия из четырех родинок, в которую вклинивались еще две. Иметь такое предречение было приятно.

– Майлс проводит с «Картографией будущего» больше времени, чем мы, – сказала я, – но он уже слишком взрослый, чтобы увлекаться толкованием. Наверное, пора ему определиться, чем он будет заниматься по-настоящему.

– Мальчикам сложнее. – Мама перевернула страницу в книге. – Представь, каково это, когда на твоём теле не написано будущее. Я бы чувствовала себя беззащитной, а ты?

Легко было забыть, в каком неведении, будучи юношей, блуждал мой брат, как ему приходилось довольствоваться лишь теми фактами о своем будущем, которые он мог узнать от меня. Предсказания на мамином теле были абстрактными, туманными – то есть слишком общими для того, чтобы Майлс мог узнать из них что-то конкретное о собственной жизни. Он был одинокой точкой среди отметин, располагавшихся у мамы на животе: классическое треугольное скопление означало семью, а отдельное скопление указывало на отца и двоих детей – мальчика и девочку.

Мои детские отметины давали больше подробностей о жизни брата. Ромбовидное созвездие из пяти родинок у меня на лопатке предрекало, что в восемь лет я серьезно заболею грип-

пом. Это же скопление указывало, что заболевает и Майлс – несмотря на все усилия родителей изолировать меня от него. А скопление отметин на моем правом бедре намекало на то, что однажды мы с Майлсом будем работать вместе.

Я не могла понять, каким образом наши будущие карьеры могли сойтись в одной точке, если меня интересовало изучение психологии, а Майлса – нет, но его это, похоже, не смущало. А еще он решил не придавать значения обособленной отметине в скоплении, указывавшем на мою карьеру, – она заметно противоречила другим и указывала на то, что я все-таки буду работать одна. С появлением взрослых отметин нам предстояло узнать больше, но до тех пор брат лелеял надежду, что эта отметина как-то соотносилась с тем, чего ему хотелось больше всего – в будущем стать профессиональным толкователем. Его мечта была неосуществимой, если не невозможной, но он все равно к ней стремился.

Еще одна невозможность, от мысли о которой я не могла отделаться: что если то, о чем он рассказал мне в подвале, было правдой? Я смотрела на мать и пыталась представить вздувшийся живот у нее под рубашкой. Возможно, мы с Майлсом жили в тени ребенка, которого не было.

– Тебе когда-нибудь хотелось того, что не предрекали твои отметины? – спросила я. – В смысле того, что тебе не было суждено иметь?

Она заложила страницу закладкой и с удивлением взглянула на меня.

– Конечно, Селеста. Я же обычный человек.

Я всматривалась в нее, выискивая какой-нибудь знак того, что предметом ее желания был еще один ребенок. Но ничего такого не заметила.

Майлс вернулся на кухню и положил «Картографию будущего» на стол. Эта книга, облаченная в тяжелый переплет из темной кожи с золотой филигранью, оттягивала руки весом своей истины и возраста. Мать похлопала ее по обложке, словно радуясь встрече со старой приятельницей.

– Спасибо, – сказала она. – А теперь идите оба умойтесь. Хватит с вас пачкотни на сегодня.

В тот день к игре мы с Майлсом не вернулись. Вместо этого мы маялись во влажном летнем мареве: слушали радио, ели фруктовый лед, который таял и стекал по нашим рукам, просто валялись, растянувшись на полу в гостиной перед вентилятором. В конце концов Майлс ушел к себе в комнату. Я сидела у окна в гостиной и наблюдала, как небо темнеет до глубокой кобальтовой синевы. Тьма накрывала соседние дома, отчего те выглядели тусклыми и заброшенными, словно за считанные мгновения успели состариться на полвека.

Все это время я думала о нашей незаконченной игре, об отгадке, которая таилась в подвале. Правда или ложь. Я представила, что ответ брата – это живое существо, которое ждет меня в сумерках, призывает меня к себе. Молит познать истину.

Спуск в подвал тем вечером стал моим первым шагом к чему-то новому – теперь я это понимаю, – но тогда я просто медленно погружалась в темноту, ни в чем не уверенная и совершенно одна.

Я спустилась по лестнице и замерла, чтобы глаза привыкли к мраку. Стоя на месте, я думала о Майлсе и о том, каким нечитаемым он стал во время игры. Впервые я поняла, что он был способен хранить настоящую тайну, нечто куда более серьезное, чем любые наши выдумки в этой игре, и меня тревожило, что это могло означать. Там, в прохладном воздухе подземелья, безымянная тревога пробудила к жизни что-то внутри меня – настороженность по отношению к брату и тому, что еще он однажды мог от меня утаить.

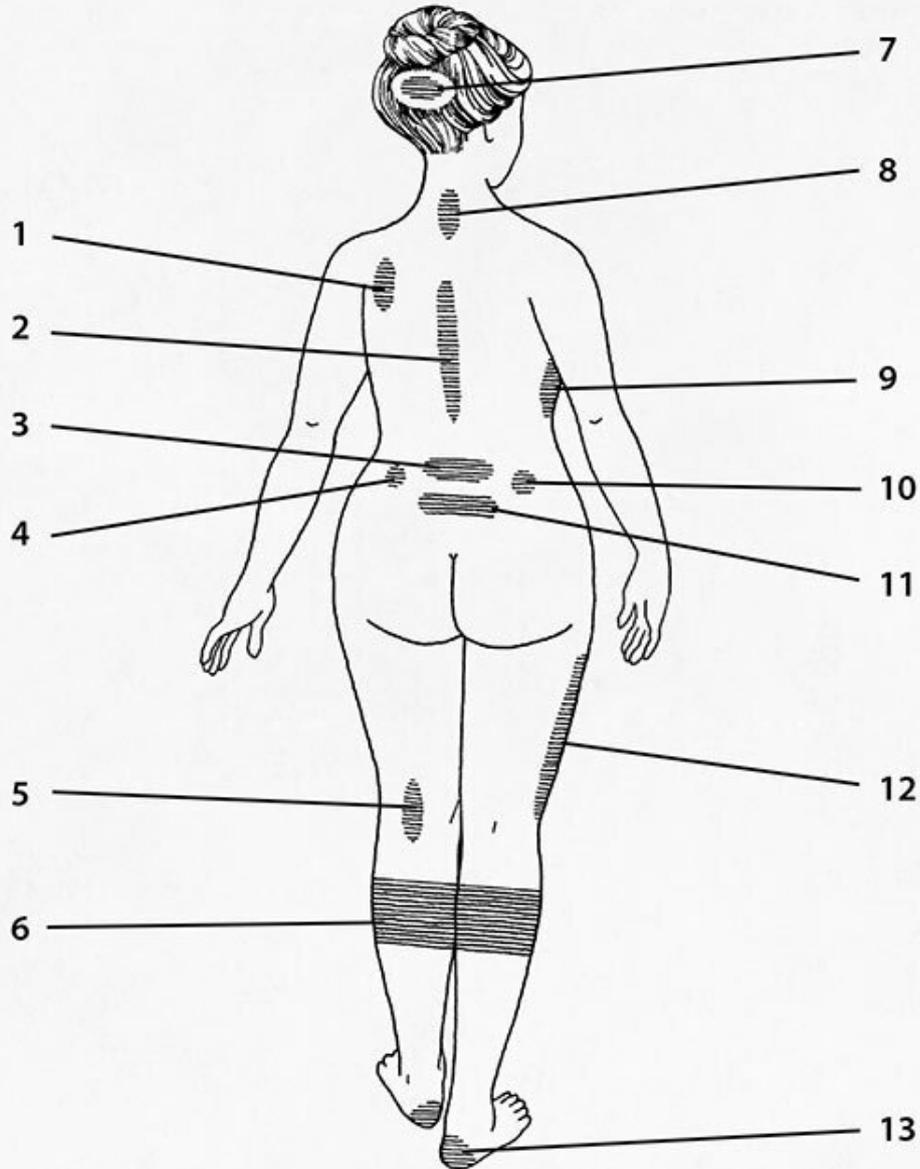
Подвал освещала одинокая гудящая лампочка, ее слабое мерцание едва доставало до угла, где днем мы сидели в пыли. Я стала красться туда, наострив все органы чувств. Наконец, я добралась до слова, выведенного на земле под занавесью паутины. Майлс написал свой ответ

печатными буквами – послание, которое стало провозвестником грядущего обмана – как с его стороны, так и с моей.

Надпись гласила: «ЛОЖЬ».

Тогда я впервые увидела проблеск правды.

Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин

Стандартное расположение меток, вид сзади

1 — Заболевания и проблемы	8 — Интеллект
2 — Духовная жизнь	9 — Искренность
3 — Удовольствия и радости	10 — Карьера
4 — Денежное положение	11 — Любовь и увлечения
5 — Старение	12 — Филантропия
6 — Домашнее хозяйство	13 — Самооценка
7 — Эмоциональное здоровье	

2

По иронии судьбы я появилась на свет спустя ровно два года после Майлса, поэтому день рождения у нас был один на двоих. Иногда я воображала, что мы двойня и нас не разделяют пространство и время. Мы были достаточно похожи, чтобы сойти за двойняшек: волосы одинакового каштанового оттенка, темные глаза с искрой – скорее карие, чем зеленые, даже брови и уши были одной формы, словно я была его оттиском, сделанным на два года позже. Я всегда старалась нагнать те два года, пыталась сравняться с братом, словно могла перехитрить само время.

В тот год лето внезапно перегорело и превратилось в осень, а жара моментально перешла в мороз. Первый холодный день в сентябре шокировал, студеный воздух казался нездешним. Все это мне запомнилось, потому что в тот день Майлс попросил меня сходить с ним на занятие по толкованию. Его учительница Джулия хотела осмотреть меня, перед тем как мои отметины сменятся взрослыми. Джулию я видела лишь однажды, но много о ней слышала: она была опытной толковательницей, но подход ее считался нетрадиционным, и меня терзало любопытство, что же она скажет мне – практически незнакомому человеку.

Было уже далеко за полдень, солнце заливало все золотистым светом, в деревьях щебетали птицы. Майлс с «Картографией будущего» под мышкой шагал по нашему району чуть впереди меня. Я пыталась идти с ним вровень, но все равно отставала на шаг-другой. Ноги у меня были длинные, но у него длиннее. Мы были и похожи, и нет.

Он переживал, что опоздает – это было понятно и без слов. Будучи первым и единственным учеником мужского пола в классе у Джулии, он должен был трудиться вдвое усерднее, чтобы его воспринимали всерьез.

– Успеем, – приободрила я его, когда мы свернули с нашей улицы и нам осталось чуть больше мили. Мы жили в старом районе, который граничил с центром города. Здесь преобладали пешеходные дорожки и живые изгороди, но застройка была плотной, и некоторые дома заметно одряхлели. С дома по соседству с нашим краска отслаивалась, как кора с древней березы, у другого окна на верхних этажах были заколочены фанерой. Зато всего в паре кварталов отсюда в окружении пышных зеленых лужаек стояли дома с колоннами и башенками, а возле одного из них статуи двух львов, распахнув пасти в нескончаемом рыке, стерегли вход на аллею к дому.

Мы вошли в центр города, где улицы сужались, а сквозь трещины в асфальте пробивались крошечные растения. Молодая поросль, проложившая себе путь через обломки, причудливые осыпающиеся здания – то были первые знаки, что мы приближались к району толкователей. Вход в него украшала кованая арка с надписью «Будущее – это судьба». Пройдя под ней, мы очутились в лабиринте брусчатых улиц, на которых изогнутыми рядами теснились малоэтажные домики. Верхние этажи были жилыми, а на первых располагались кабинеты толкователей – окна в них были без штор, чтобы прохожие могли заглядывать внутрь.

Район толкователей был практически поровну поделен между серьезными заведениями и теми местами, где занимались фарсом. Здесь предлагали и настоящие, и развлекательные толкования, и профессионалам вроде Джулии приходилось сосуществовать с псевдотолкователями, которые вешали у себя над входом неоновые вывески и раздавали купоны на улице. Гадания по хрустальному шару, по руке, по чайникам, по картам Таро и толкование снов – все это было лишь показухой. Только отметины говорили правду.

Пока мы с Майлсом шли по главной улице, краем глаза я поглядывала на витрины. Светящиеся гирлянды, кружево, кристаллы, бряцанье дешевых занавесок из бусин – всем этим завлекали к себе псевдотолкователи. Ни с того ни с сего я начала рассказывать Майлсу о девочках из школы, которые часто заходили в такие места ради смеха. Их приводили в восторг

безумные предсказания лжетолкователей о невероятных любовных романах, свалившемся с неба богатстве, приключениях...

– Некоторые из наших собираются зайти сюда на толкование, когда их отметины сменяются на взрослые, – сказала я.

Майлс покачал головой:

– Не трать на это деньги. Кроме того, превращенкам опасно посещать район толкователей.

– Разве что ночью.

– Возможно. Но это все равно слишком рискованно.

Он имел в виду, что девушки, только вступившие в фазу превращения, – особенно это касалось дерзких, безрассудных или травмированных девушек из проблемных семей, – нередко пропадали в темное время суток в районе толкователей. Эти улицы – единственный городской округ, выделенный для профессиональных толкователей, – привлекали изрядное количество посетительниц и потому были первоочередной целью для насильников. Это не было для меня новостью – все об этом знали, – но, как и большинство, я предпочитала избегать подобных мыслей. Тогда я относилась к похищениям так же, как к собственной смертности: то была неоспоримая правда жизни, однако непознаваемая, слишком серьезная и жуткая, чтобы думать о ней дольше пары секунд.

Поэтому я и не думала. Я была пятнадцатилетней девчонкой, которая решила составить компанию брату. Нас ждала Джулия, нас ждало будущее. Нам только и оставалось, что шагать вперед.

На доме Джулии не было вывески – никаких указаний на то, что это не просто жилой дом. Ни неоновых огней, ни дешевых занавесок и уж точно никаких хрустальных шаров. Мы с Майлсом вошли в приемную: комнату украшали напольные часы, старинный диван и обои с блестящим узором. Я сочла, что здесь к будущему относятся серьезно.

Сквозь стеклянные двери, отделявшие класс от приемной, мы увидели Джулию: она что-то рассказывала полудюжине девушек-подростков, которые сидели перед ней на полу. В отличие от толкователей-позеров со всеми их шаями и перламутровыми тенями, Джулия была одета в простые джинсы и строгую приталенную рубашку, а тяжелые каштановые волосы струились по ее плечам. Она выглядела практично и в то же время прогрессивно – такой она и должна была быть, раз преподавала толкование юноше.

Майлс замер возле стеклянных дверей.

– Знаешь, ты ведь можешь пойти со мной. Джулия будет рада тебе.

Я покачала головой.

– Я лучше здесь подожду.

Он юркнул в класс, а я осталась в приемной одна. Я бродила вдоль книжных полок и разглядывала корешки, пока не нашла то, что искала: книгу в толстом переплете, полную замысловатых геометрических узоров. Я обнаружила ее в тот единственный раз, когда побывала у Джулии – в день открытых дверей для учеников и их родных, который она устроила несколько месяцев назад. По такому случаю мы с родителями даже принарядились. Мы нервничали, поскольку переживали, что Джулия сочтет нас простаками, но она оказалась радушной и доброй. Именно Джулия подвела меня к своей книжной коллекции и предложила поискать в ней что-то для себя. Когда она заметила, что я не могу оторваться от книги с узорами, вид у нее был довольный.

Я вытянула книгу с полки и раскрыла ее. Страницы были заполнены головокружительным количеством геометрических форм и орнаментов, украшавших ковры, картины, скульптуры, мозаики – самые красивые предметы в мире. И что самое главное, они не имели никакого

отношения к моей коже или предсказаниям будущего. То был мой редкий шанс затеряться в комбинациях, за которыми не крылся какой-то особенный смысл.

Довольно долго я задумчиво перелистывала страницы. Когда длинная стрелка напольных часов почти проделала круг, я поставила книгу на место и посмотрела, что происходит за стеклянными дверьми. За исключением брата в классе были одни девушки. Чуть старше меня, одетые в том непринужденном стиле, которому мне так хотелось подражать: в сандалиях с блестящими ремешками, с шарфами вместо ремней и в тонких блузках с глубокими вырезами, которые спадали с плеч и открывали разноцветные ляжки бюстгалтеров.

Девушки сидели близко друг к другу, а их «Картографии будущего» были отложены в сторону, чтобы они могли сосредоточиться на живых картах собственных тел. Их темная, оливковая или бледная, как у меня, кожа была покрыта отметинами будущего. Каждая из них протягивала руку соседке для толкования. Мой брат не мог предоставить собственное тело, но, когда он склонился, чтобы осмотреть кожу светловолосой девушки по имени Дейрдре, все уставились на него. Он уверенно вел пальцем по ее коже, хмурясь от напряжения. Он был осторожен, тактичен и серьезен. Если бы не его пол, он вполне мог бы сойти за профессионального толкователя.

Вскоре раздался бой часов – его глубокие ноты ознаменовали конец занятия. Когда девушки распахнули двери класса и высыпали в приемную, я отступила в сторону. Джулия вышла с раскрытой «Картографией будущего» в руках, на ходу объясняя диаграмму одной из учениц. Когда она заметила меня, выражение ее лица изменилось. То была легкая, мимолетная перемена, но я ее уловила.

– Селеста, – произнесла она, – я рада, что ты пришла. – С улыбкой на лице она приблизилась ко мне и дотронулась до моей левой руки. – Можно?

Я кивнула, и она взяла мою руку и легко провела кончиками пальцев по моей коже. Я закрыла глаза. Для толкования требовалось не только зрение. Осязание дополняло и усиливало картину. Иногда без осязания было не обойтись.

– Хм, – тихо произнесла Джулия. Она сосредоточилась на скоплении родинок возле моего левого локтя, комбинации, которой не соответствовал ни один образец из «Картографии будущего». Разные толковательницы толковали ее по-разному. Одна говорила, что вскоре после шестнадцатого дня рождения меня постигнет незначительная болезнь. Другая считала, что это будет автомобильная авария, но не очень опасная. Общий вывод гласил, что волноваться мне не стоило, что детские отметины – всего лишь мелкие туманности во вселенной, состоявшей из массы куда более конкретных предсказаний.

– Майлс считает, что скоро меня ждет превращение. – Я посмотрела на веснушки на своем предплечье. Я хотела запомнить их – не такими, какими они были зарисованы дома в тетради брата, а теми, какими они были здесь и сейчас – крохотными ориентирами будущего, которое вскоре станет прошлым.

Джулия кивнула.

– Период накануне превращения – удивительное время. Возможности кажутся безграничными.

Период перед сменой детских отметин на взрослые был подобен тому, что видишь, когда волна накрывает побережье: ожидание взрыва, сумятица и хаос, а затем песок снова превращается в безупречно ровную поверхность. Когда это случалось, девушкам открывались новые предсказания, но также их захлестывал и бурный период превращения – те рискованные, непредсказуемые недели, когда их вид будет сводить с ума всех, в особенности мужчин.

– Я переживаю, – призналась я, – что никак не могу повлиять на то, что покажут мои новые отметины. Волнуюсь, что мне придется просто с ними смириться.

Джулия притянула меня поближе к себе. От нее исходил слабый аромат с легкими нотами сирени. Мне стало не по себе, когда я это заметила – будто меня застучали за подглядыванием. Она крепче вцепилась в мою руку, и я с трудом сдержала порыв отшатнуться.

– Будущее настигнет тебя, как и должно, – сказала она. – Отрицать это бессмысленно. Но со временем ты поймешь, что можешь менять его своими действиями. Не кардинально, но даже мельчайшие изменения могут стать значимыми. Мы все-таки сами себе хозяева. Как ветер, пролетающий сквозь листву дерева.

Джулия отцепила от меня одну руку и изобразила раскрытой ладонью дерево: предплечье символизировало ствол, пальцы – ветви, а пышная копна ее волос в моем воображении превратилась в густую крону.

– Само по себе дерево не меняется, но при движении его листья образуют разные формы, тени, звуки. Суть его остается той же, даже если в мелочах оно изменяется. Понимаешь?

Я захлопала глазами.

– Все нормально, – сказала она. – Ты умная девушка. Однажды поймешь.

Взбурдаженная, я потеряла предплечья, чтобы справиться с оторопью. Весь смысл толкования был в принятии неизбежности будущего. Идея будущего как чего-то податливого, вроде ветра, дующего сквозь листья, казалась блажью. Отметины не могли рассказать всего, чему суждено было случиться, но хотя бы в общих чертах знать, что тебя ждет, было облегчением. Именно за этим люди шли к толкователям – чтобы свериться с «Картографией будущего», чтобы спланировать карьеру и брак в соответствии с тем, что было им уготовано.

Вот бы по отметинам можно было во всех подробностях узнать истину – увидеть ее, как глазами. Хотела бы я увидеть целиком хоть один фрагмент – какой-нибудь день из далекого будущего, когда мы с Джулией будем проводить дни бок о бок, как ровня.

Именно такое будущее меня и ждало, но в тот день дома у Джулии узнать об этом я не могла. Возможно, это было к лучшему. Слишком много времени мы проводим, воображая грядущее – то огромное пространство несбыточного, или блуждая в прошлом, в мире усопших. И все же я вновь и вновь возвращаюсь в этот момент, словно, воскрешая его в памяти, смогу как-то изменить исход. Слово прошлое можно менять так же, как и будущее.

Застрав где-то на полпути между настоящим и грядущим, я все еще потирала плечо, когда Майлс вышел из класса вместе с Дейрдре, и тогда-то я все поняла: Дейрдре выглядела ослепительно, эффектно, от ее кожи исходило какое-то неземное свечение. Она вступила в превращение, обрела свои взрослые отметины. Она была восхитительна.

Я заворожено наблюдала, как Дейрдре шла по комнате в полупрозрачной юбке цвета индиго, подол которой клубился у ее щиколоток. На шее у нее болтался опал на золотой цепочке. Не так давно я прочла книгу о самоцветах, поэтому кое-что знала об опалах. Эти необычные хрупкие камни могли легко потрескаться от удара или при попадании в экстремальные температуры. Опалы выглядели по-разному в зависимости от того, с какого угла на них смотришь: сверкали вспышкой молнии, ярким огнем или поблескивали глянцевыми перегибами бензиновой пленки на луже. С этим камнем, сияющим у нее на шее, Дейрдре, казалось, плыла по воздуху. Слово парила в ясном прозрачном небе, пока все мы брели сквозь водную толщу.

Сама того не осознавая, я подалась в сторону Дейрдре. У меня было чувство, что, стоит до нее дотронуться – тотчас проскочит искра.

– Майлс, я надеюсь, вы с Селестой не передумали проводить Дейрдре до дома? – сказала Джулия. – К сожалению, моя машина все еще в нерабочем состоянии.

– Конечно, – ответил Майлс.

Я с удивлением взглянула на него – он не предупредил меня о своих планах. Позже я узнаю, что машина Джулии с безнадежно изношенными тормозными колодками была припар-

кована за домом – Джулия копила деньги на ремонт. Этому неудобству предстояло обернуться куда более печальными последствиями, чем я могла тогда представить.

– Может, мне все-таки пойти с вами – на всякий случай. – Джулия нахмурилась. Все мы знали, о чем она думала: выпустить превращенку на улицу в поздний час было бы безответственно.

– На улице еще светло, – сказала Дейрдре.

– И мы пойдем быстро, – добавил Майлс. – Мы будем вместе, втроем. Селеста всю дорогу будет рядом.

Так вот зачем Майлс позвал меня с собой – чтобы я выступила в роли дуэньи, а он мог провести побольше времени с Дейрдре? Впервые я увидела брата тем, кем его видел весь мир: юношей, который становится молодым мужчиной и, соответственно, вероятной угрозой для девушек вроде Дейрдре. И моя уверенность в том, что брат не способен никому навредить, ничего не значила. Сама такая вероятность – вот что имело значение.

Джулия смотрела на меня, ожидая подтверждения его слов.

– Нам с Дейрдре по пути, – сказала я. – Все в порядке.

Она улыбнулась:

– Спасибо, Селеста. Вы меня очень выручите.

Дейрдре и Майлс уже были у выхода. Я пошла за ними, спустилась с крыльца и вышла на улицу, где Дейрдре вдруг застеснялась. Она встала между мной и Майлсом, словно хотела затеряться – бесполезная попытка, поскольку не заметить превращенок было невозможно.

Когда мы прошли мимо кучки мужчин, стоявших возле магазинчика на углу, их взгляды синхронно вперились в Дейрдре, будто она их загипнотизировала. Они не стали подходить, свистеть или улюлюкать ей вслед, но что-то здесь все равно было не так. Я заметила, как те мужчины глазели на Дейрдре, и это разбудило во мне страх, который я редко испытывала: страх быть девушкой.

Я быстро прогнала эти волнения. Мы свернули за угол, мужчины пропали, и я вернулась в свой привычный мир.

Когда вечером за ужином родители спросили меня, как прошел визит к Джулии, я ответила, что обошлось без откровений. Это не было ложью, равно как не было и чистой правдой. Расспрашивать меня не стали. Отец просто начал раскладывать по тарелкам жаркое, а мама налила себе вина. Будущее их не тревожило.

После ужина я ушла к себе: делать домашнюю работу по геометрии. На улице стемнело, и я нагнула настольную лампу пониже, чтобы подсветить чертеж, над которым работала. Углы, дуги, бесконечность линий. Размеренная логичность геометрии, ее выверенная пошаговая упорядоченность, размечающая решение задачи, была мне по душе.

Мой чертеж был наполовину готов, когда ко мне заявился Майлс. С «Картографией будущего» в руках.

– Можно я на тебя взгляну? – спросил он. – Я узнал кое-что новое на занятиях и хочу попрактиковаться.

Он стоял в дверях, выжидая. За последний год он так вытянулся, что иногда я его не узнавала.

– Ладно, – сказала я. – Но давай побыстрее.

Я смиренно сидела, пока Майлс изучал мою руку. Дело привычное. Для брата я была объектом, полигоном для его исследований, его ключом к искусству толкования. Таков был наш самый давний и самый понятный способ взаимодействия.

Пока он работал, я разглядывала комнату, которую недавно перекрасила вместе с отцом. В строительном магазине продавалось много уцененной колорированной краски, которую кто-то вернул – так я и обзавелась стенами бледно-голубого, почти белого цвета. Мы зашпаклевали

дырки от гвоздей, выровняли и загнутовали стены и, наконец, нанесли краску. Когда высох второй слой, я развесила постеры: увеличенную диаграмму из «Картографии будущего», предрекавшую жизнь, полную счастья, панораму с горным пейзажем и портрет женщины, лежащей в окружении цветов и драгоценных камней. В качестве финального штриха я расклеила на потолке крошечные остроконечные звезды, светившиеся в темноте – в случайном порядке, а не в форме каких-либо созвездий. Мне нравилось смотреть на них ночами и знать, что это всего лишь звезды, и не что иное.

Закончив с моей правой рукой, Майлс сел слева от меня.

– Думаю, если бы ты постаралась, – довольно нелюбезно сказал он, – то из тебя могла бы выйти довольно хорошая толковательница.

Я вздохнула. Эта тема была причиной пусть и не острых, но давних разногласий между нами. Майлс хотел, чтобы я изучала толкование вместе с ним, но меня это совершенно не интересовало.

– Это не мое. И ты об этом знаешь, – сказала я. – Кроме того, Джулия не такая, как другие толковательницы. Слышал бы ты, что она наговорила мне про дерево и про то, как наши действия способны менять будущее.

– Мы никак не можем изменить то, что нам суждено. Слегка влиять на непредсказуемые исходы событий – возможно. Воспринимать их чуточку иначе. Вот что она имела в виду.

– Все равно это странный ход мыслей. Она мне нравится, правда, но то, что она говорит, – это какой-то бред. – Я наблюдала за тем, как Майлс сверяется с «Картографией будущего». – А ты сам – ты-то ей доверяешь?

– Доверил бы свою жизнь, – ответил он, не поднимая глаз.

Я не придумала, как ему возразить.

– Долго тебе еще? – вместо этого спросила я. – Мне нужно домашку закончить.

– Недолго. – Он внимательно изучал мой левый локоть. – Все равно твои отметины говорят, что ты отличница.

– Да, но только если я занимаюсь. – Произнося эти слова вслух, я услышала в них эхо того, что Джулия сказала про дерево, про умышленные перемены. Я отдернула руку.

Майлс поднял голову.

– Цени то, что имеешь. Я бы что угодно отдал ради отметин, как у девчонок.

Его слова напомнили мне о том, как я когда-то сидела у отца на коленях и разглядывала родинку у него на шее, дивясь ее бессмысленности. Я чуть с ума не сошла, пытаясь свыкнуться с мыслью, что это просто родинка, и ничего больше, и что родинки на мужчинах не собираются в созвездия, как на женских телах. Что они разбросаны хаотично, в случайном порядке. Что прочесть их невозможно.

– Знаешь, Дейдрэ завтра вернется в школу, – добавил он. В его голосе прозвучала отрепетированная непринужденность – вот в чем была истинная причина его появления в моей комнате. В очередной раз он скрыл свой мотив. – Раз уж у вас занятия в одном крыле здания, я подумал, что ты могла бы присмотреть за ней на этой неделе.

– Я же едва ее знаю.

Дейдрэ была выпускницей, на год старше меня. Мы не общались.

– Просто присмотри за ней, – сказал Майлс. – Пожалуйста. У нас с ней не совпадают расписания, но ты хотя бы сможешь ее видеть.

Он стал очень серьезен, словно резко повзрослел в тот день. Может, он запал на Дейдрэ? Может, подумала я, это всего лишь подростковое увлечение?

– Ладно. Но с ней и так все будет нормально.

– Спасибо, Селеста. Я твой должник.

Он сунул руку в карман толстовки и, вытащив оттуда пригоршню земляники, высыпал ее мне на стол.

– Мы забыли собрать ее этим летом, но кое-что еще осталось. – Он повел плечами. – Подумал, ты будешь рада.

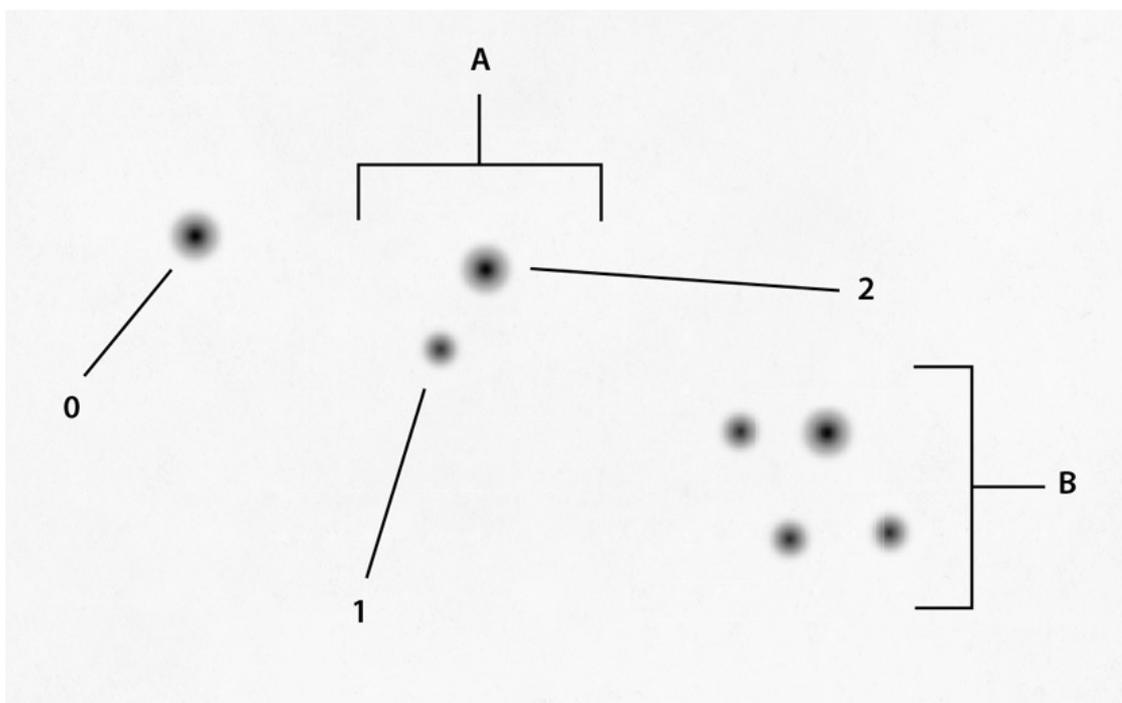
Обезоруживать меня за секунду напоминанием о наших былых приключениях – вот что брату удавалось хорошо. В детстве мы с ним собирали землянику, которая росла у нас вокруг дома. Однажды мы даже выставили на улицу прилавок для торговли земляникой: разложили ягоды по маленьким бумажным стаканчикам и выставили по пятьдесят центов за штуку. Не продали ни одного. На исходе дня мы съели столько ягод, сколько смогли, а остальные просто раздавили. Будто твердо решили уничтожить все, что не сумели поглотить.

Когда Майлс ушел из моей комнаты, я закинула ягоды в рот – одну за другой. Я ощутила прикосновение десятков крохотных семян, усеивавших розовую плоть ягоды, дожидавшихся подходящего момента, чтобы зажечь собственной жизнью.

Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин

Категория – Карьера

Расположение – Правое бедро

Скопление А. Определяет лиц, имеющих отношение к будущей карьере субъекта. А1 указывает на старшего кровного брата (или сестру), тогда как расположение и размер А2 указывают на родительскую фигуру или наставника.

Скопление В. Нисходящее направление данной классической четырехчастной комбинации, определяющей карьерную область, указывает на профессию, связанную с кропотливым трудом.

Отметина 0. Обособленная, эта отметина указывает на то, что субъект будет работать в одиночку (см. Приложение С: противоречивые указания).

3

Брат держал обещания, которые давал мне, и я отвечала ему тем же. Так повелось у нас с рождения, и я надеялась, что и в будущем это не изменится. Но сдержать обещание при-смотреть за Дейрдре оказалось не так-то просто. Дейрдре была неуловимой, непредсказуемой – фантомной девушкой, постоянно от меня ускользавшей. Следующим утром я обошла все коридоры, разыскивая ее после классного часа, и повторила попытку после второго урока, но ее нигде не было. Я могла поклясться, что в какой-то момент ощутила ее присутствие, но когда обернулась, рядом никого не оказалось.

Здание старшей школы было выстроено в форме буквы Т: бесконечный коридор с гуманитарными классами пересекался с коридором покороче, где все классы были предназначены для естественно-научных или математических занятий. На переменах в коридорах творилась толкотня – достигнув перекрестка, толпы учеников врезались друг в друга. Такой разброд был привычным делом, подростковым хаосом, который я позже буду вспоминать с теплотой.

Раз за разом терпя неудачу в поисках Дейрдре, я возвращалась к своему устоявшемуся моциону – прогулке по коридорам вместе с Мари и Кассандрой. Мы были знакомы с первого класса – трио восьмилеток, которых свели вместе любопытство и судьба. И жизнь наша тогда была совсем другой: мы зажигали бенгальские огни, рисовали «классики» на площадках, уни-зывали запястья виниловыми браслетиками. Мы собирали волосы в хвостики, перетягивая их резинками с разноцветными бусинами – маленькими драгоценностями, которыми мы обменивались друг с другом, а кожу нашу украшали загар и ссадины. Мы были детьми. Мы были девочками.

Когда мы гуляли по школьным коридорам, я всегда шла между Кассандрой и Мари. Я издавна была середнячком, мостиком между небом и землей, которые являли собой мои подружки. Мари была сама невинность, самая младшая из нас – как внешне, так и по повадкам. В пятнадцать лет она все еще носила челку, по-детски обрезанную «под горшок», все еще была по-девчачьи застенчива. Она казалась хрупкой крохой в сравнении с Кассандрой, которую уже влекли риск, приключения, секс. Мари носила глухие свитеры и заплетала косички, Кассандра предпочитала пуловеры с глубоким вырезом, красила губы блеском, а волосы ее свободно струились вдоль спины.

Мне нравилось, какой я становилась рядом с Кассандрой – более смелой, более дерзкой. Тем летом мы с ней ездили купаться на озеро и, едва оказавшись на берегу, сразу же прыгнули в него с разбега, а затем, насквозь мокрые, разлеглись загорать на камнях. Выставили себя напоказ. Кучка парней на пляже глазели на нас, и если меня их внимание обжигало, то Кассандра будто бы вовсе их не замечала. Это вызывало у меня зависть – возможно, я завидовала ей во всем. В розовом бикини и с влажными волосами, разметавшимися по камням, она выглядела как русалка. Я коснулась ее плеча – оно было горячим и холодным, сухим и мокрым – множество противоположных ощущений разом.

– У меня от тебя мурашки, – сказала она, стряхнув мои пальцы. Она перевернулась, и моему взору открылись отметины у нее на пояснице. В этом месте располагались предсказания о любви. – Я есть хочу, – добавила она и посмотрела на меня в упор. – Селеста. А ты разве не хочешь?

Вместо ответа я лишь прищурилась на солнце. Я отличалась от Кассандры; я была не из тех, кто заявляет о своих желаниях и ждет, что окружающие их исполнят. Хотя, возможно, пора было попробовать такой стать. Но теперь рядом с Кассандрой я могла признаться, что чего-то хочу – есть, развлекаться или – в последнее время все чаще – оказаться в пагубном мире парней, их пота, их неумности, их возмутительно бесконтрольного поведения. Я хотела всего этого, пусть даже и не решалась заявить о своих желаниях.

Когда Кассандра отправилась на следующий урок, я пошла за Мари к ее шкафчику. Мари вытянула с верхней полки лист бумаги и долго, безмолвно его изучала. Я узнала это ее выражение – нервозность, неуверенность, может, даже толика упрямства.

– В общем, я это подпишу, – наконец сказала она. Смотрела она при этом куда-то мимо меня, словно зрительный контакт мог ослабить ее решимость.

Она протянула лист, чтобы я смогла его прочесть. Это было формальное заявление об отказе от осмотра отметин, который в тот день стоял в расписании. В старшей школе такие осмотры проводились дважды в год, результаты их вносились в наши личные дела. Прохождение регулярных осмотров в школьные годы было призвано приучить нас к установленному распорядку, продемонстрировать нашу покорность и предупредить любые упущения, связанные с нашими отметинами. Государственные осмотры были не самым приятным, но довольно рядовым событием – чем-то вроде медицинского обследования, хотя отказ от участия в них считался табу.

– Ты уверена? – с удивлением спросила я.

Она покачала головой:

– Нет. Наверное. Я не знаю.

Я взяла у нее листок и разглядела его. От ее рук бумага стала влажной, но место для подписи внизу все еще пустовало.

– То, что у тебя кроткая мама, не значит, что ты должна быть такой же, – сказала я. – Везде ходить в закрытой одежде, не иметь возможности работать с мужчинами – это же нереально.

– Плюсы в этом тоже есть. Безопасность и чувство защищенности, например.

Я снова разглядела заявление, стараясь расправить каждую складочку. Мама Мари была одной из немногих женщин, которые приняли решение не демонстрировать свои отметины на публике. С первого дня превращения и до самого конца жизни кроткие женщины прятали кожу под длинными рукавами, брюками или юбками, перчатками и шарфами. Они старались избегать занятий или общественных мест, где могли бы оказаться рядом с мужчинами, которые не приходились им родственниками. Их убеждения основывались на вере в то, что женские отметины – это нечто личное, святое и тесно связанное с сексуальным возбуждением, поэтому считалось, что их следует скрывать, а также соблюдать общественное разделение по половому признаку.

Подобный тип мышления казался мне архаичным. Кроткий образ жизни брал истоки в давно ушедшей эпохе, во время которой женщины не могли пользоваться благами законов, установленных в наше время. Тогда полиция имела право задержать женщину для неожиданной проверки отметин, личные дела женщин находились в свободном доступе и потому были открыты для критики со стороны любого постороннего. Но в каждом поколении число кротких женщин стабильно снижалось. Насколько я знала, мама Мари никогда не принуждала ее саму встать на путь кротости. Даже она осознавала, сколько ограничений влечет за собой такой выбор.

– Я же могу передумать позже, – продолжила Мари. – Это же не навсегда.

– Но если ты пройдешь осмотр, то у тебя в личном деле не будет пропусков. Это пригодится, если ты все таки не выберешь кротость. В любом случае, когда ты вступишь в превращение, выбор придется сделать раз и навсегда. – Когда девушка обретала взрослые предсказания, в течение недели к ней направляли инспектора-толкователя, который производил специальное обследование. Отказ от осмотра в период превращения был куда более серьезным делом, чем пропуск одного из двух рутинных обследований.

Мари надулась, хотя явно понимала, что я права. Никому из нас не нравилась эта школьная процедура, когда нужно было раздеться и терпеть, пока госслужащая водит своими холодными пальцами по нашей коже, но отказаться означало лишиться важных возможностей.

Несмотря на то что наши личные дела были конфиденциальными, мы были вынуждены предоставлять их, чтобы расти лично и профессионально. Поступая в университет, вместе с табелем успеваемости я должна была подать официальную справку об отметинах. При поиске работы такая справка могла бы обеспечить мне приглашение на собеседование. В некоторых случаях отсутствие результатов осмотра означало отсутствие будущего.

Я наклонилась к Мари. Она выглядела такой чистой, нетронутой. Я испытывала одновременно чувство благодарности и острое желание ее защитить. Я вспомнила, как год назад, когда у меня не было денег на летний фестиваль, она попросила свою маму оплатить мне входной билет. Стоял знойный июль, и мать Мари обливалась потом под всеми своими слоями одежды, отсчитывая для нас банкноты. Я не знала, как ее отблагодарить. Просто взяла у нее деньги, разбухшие от высокой влажности.

Стоя у шкафчиков, я сунула руку в задний карман и вытащила учетную карточку, которую получила во время классного часа. Вдоль верхнего края были криво напечатаны мое имя и назначенное время обследования. К концу строки буквы были едва различимы. Я показала карточку Мари.

– У меня только в два часа осмотр. А у тебя во сколько?

Мари помедлила, затем оттянула уголок магнитного зеркала, прикрепленного к дверце ее шкафчика. Карточку она спрятала там – прямо под своим отражением.

– В двенадцать тридцать, – сказала она.

Я кивнула:

– Как у Кэсси. Можете вместе пойти.

Мари долго смотрела на карточку и вроде бы решилась. Она забрала у меня заявление об отказе. Я смотрела, как она складывает его по диагонали, уверенно сгибая лист.

– Правильно, – произнесла я с гордостью в голосе.

Прозвенел звонок. Мари захлопнула шкафчик, и мы с ней разошлись по урокам. Заходя в класс, я заметила, как Мари бросила свое заявление в урну. Согнутый лист изящно скользнул внутрь, словно влетел туда по собственному желанию. Словно там ему и следовало быть.

Подумать только, сколько же часов я провела с подругами в том школьном здании, как надежно нас охраняли его стены, в каком плену и в то же время в безопасности мы там пребывали. В то время школа была для нас всем – местом, где мы учились, познавали жизнь и выросли. Нам бросали вызовы, мы бунтовали и с нетерпением ждали будущего, когда станем взрослыми и сможем уйти в свободное плавание.

В школе нас постоянно проверяли по всем предметам, включая знание будущего. Каждый год нам выдавали диаграммы с неразмеченным женским телом – тем самым изображением с первой страницы «Картографии будущего» – и просили указать на нем стандартные расположения отметин. К пятнадцати годам я уже была способна заполнить весь бланк с закрытыми глазами. Каждый раз я получала максимальный балл, и учительница украшала мою работу наспех начерченной звездой. Тогда я думала, что все уже знаю, что будущее мое упорядоченно и будет разворачиваться в соответствии с моими ожиданиями. Теперь же я понимаю, что все – прочитанное или не прочитанное мной на собственной коже, предсказанное или нет – было лишь малой частью моей истории.

Остальное мне предстояло создать самой.

В два часа пополудни я стиснула в руке учетную карточку и зашагала в сторону спортзала, который располагался в хвосте естественно-научного крыла. Шел урок, поэтому в коридорах стояла мертвая тишина. И все же я чувствовала движение в каждом классе, энергию учениц, запертых в бетонной коробке школы. Проходя мимо кабинета химии, я краем глаза заметила, как вспыхнула горелка Бунзена.

Когда я дошла до спортзала и с усилием распахнула металлическую дверь, меня встретил гомон отдающихся эхом голосов. Очередь на осмотр начиналась у баскетбольного кольца и тянулась до середины зала. Для конфиденциальности в зале были расставлены ширмы. Нам приходилось раздеваться там же, где в другие дни мы играли в волейбол или бадминтон.

Отовсюду несло антисептиком. Я шагала по залу, и туфли мои скрипели по полу. Уже в тот момент я ощущала себя измученной, разобранной по кусочкам. Окна под самым потолком, расположенные настолько высоко, что увидеть хоть кусочек улицы, за исключением неба, не представлялось возможным, напоминавшие то ли бойницы, то ли оконца в тюрьмах, впускали немного солнечных лучей, но зал по большей части был залит ядовитым свечением промышленных ламп дневного света.

Я заняла место в конце очереди – передо мной оказалась моя одноклассница Анна. Она обернулась, сказала «привет» и принялась сплетничать о нашей общей подруге, но я не могла сосредоточиться на ее словах, потому что перед нами, всего через пару человек, стояла Дейрдре. Дейрдре – в своем нежно-розовом свитере, с волосами, собранными на затылке в хвост, с золотой цепочкой, застегнутой у основания шеи. Дейрдре, которая выделялась в толпе, как зарница на темном небе. Я все-таки ее нашла.

Я с усилием сглотнула – меня накрыло желанием. Оно походило на порыв коснуться пламени вопреки знанию, что оно обожжет руку. У большинства мужчин это чувство проявлялось в виде мощной похоти. Но здесь мужчин не было: в этот день парням и учителям мужского пола было запрещено входить в спортзал – из уважения к нашей частной жизни. Здесь были только я, только Дейрдре. И больше никого.

– Он поступил некрасиво, он ведь и так знал, что у меня день выдался паршивый, – жаловалась Анна. – Согласись?

Я захлопала глазами, пытаюсь понять, о чем она вообще говорит.

– Ага, – сказала я. – Ужасно некрасиво.

Очередь чуть продвинулась вперед. Когда очередное обследование заканчивалось, девушка появлялась из-за перегородки и с заметным облегчением устремлялась к выходу. Свободная, снова хозяйка своему телу. Мы все ждали и ждали, пока Дейрдре наконец не достигла головы очереди и не скрылась из поля зрения за ширмой. Ее отсутствие приносило почти физическое страдание. Я попыталась отвлечься, обсуждая с Анной ее научный проект – что-то про кактусы и поглощение воды, – но тщетно. Дейрдре занимала все мои мысли. Она будет такой заметной, неотразимой еще пару недель, пока ее превращение не подойдет к концу. И тогда она снова станет обычной.

Через несколько минут Дейрдре вышла с нейтральным выражением лица. Государственные осмотры обычно проходили без откровений, но изредка некоторые девушки узнавали то, что упустили их родные или толкователи. Но, судя по всему, к Дейрдре это не относилось. Она прошла по залу с привычно поднятой головой. Пока она шагала к выходу, ее окружали практически неуловимые вибрации, волнение, исходившее от девочек, которые наблюдали за ее уходом.

Очередь сделала шаг вперед.

– Моя очередь, – сказала Анна. Она протянула учетную карточку женщине-инспектору, руководившей порядком, и оглянулась на меня. – Встретимся на той стороне.

Анна исчезла. Я осталась наедине с госслужащей – высокой женщиной с ортезом на руке. Министерство будущего отправляло на школьные осмотры специальных инспекторов-толкователей вроде нее. Негосударственным аналогом такой работы было волонтерство в гуманитарной программе, финансируемой Всемирным гуманитарным альянсом для женщин – международной организацией, которая поддерживала просвещение для девочек и женщин. Положение волонтеров было более завидным: их отправляли за границу помогать неимущим девочкам, которым отказывали в образовании и равных правах, они общались с представителями других

стран и получали высокую зарплату. В то же время федеральные инспекторы получали государственный социальный пакет, к ним предъявлялись не столь строгие требования, и их не посылали в долгие командировки, подразумевавшие разлуку с семьей. Инспекторы зарабатывали меньше волонтеров, но у них хотя бы была возможность каждый вечер возвращаться к родным.

Анна выпорхнула из-за перегородки, на ходу одарив меня улыбкой.

– Следующая, – произнесла женщина-инспектор. Я отдала ей свою карточку, радуясь, что избавилась от ее малого веса, а она жестом пригласила меня пройти за ширму.

Скрывшись за перегородкой, я переделалась в одноразовую сорочку и села дожидаться, когда ко мне подойдет инспектор. Она дважды постучала в перегородку, а потом шагнула за нее, не отрывая взгляд от документов, которые держала в руках. На ней был строгий темно-синий костюм с красным значком на лацкане – крошечным блестящим квадратиком – стандартная униформа сотрудника Министерства будущего. На ее смуглой коже отметины проступали контрастными янтарными созвездиями.

– Так, тут у нас осмотр детских отметин, – сказала она, мельком взглянув на меня. И сделала пометку в документах. – Похоже, это твой последний раз перед превращением.

– Наверное, – согласилась я. И замолчала: мне одновременно хотелось, чтобы осмотр поскорее закончился, однако и подвергаться ему я не испытывала особого желания. Какими бы рутинными ни были эти обследования, я чувствовала, что судьба моя поставлена на карту. Правда, не знала почему.

Инспектор кивнула мне в знак того, что приступает. Я поставила ноги шире и вытянула руки в стороны. Осмотрев руки, ноги и лицо, инспектор осторожно отодвинула мою сорочку в сторону, чтобы осмотреть грудь, живот, ягодицы и спину.

– С виду все в порядке, – сказала она, делая какие-то пометки у себя в бумагах.

– Как думаете, к чему у меня способности? – спросила я.

Инспектор нехотя перевела на меня взгляд.

– Понятия не имею, – сказала она.

– Но вы же столько девочек видите. Уж наверняка вы можете хотя бы предположить, кем я могу стать, хоть карьерная комбинация у меня и нечеткая. – Эти отметины указывали на то, что мы с Майлсом будем работать вместе, правда, отстоящая отметина также указывала, что мне, возможно, предстоит работать одной – что было нелогично.

Инспектор снова уставилась в свои бумаги.

– Советую тебе дождаться превращения, а потом уже переживать о будущем. На данном этапе жизни лучше всего почаще думать о настоящем.

Она перевернула лист с моими данными на планшете, тем самым сигнализируя, что мне пора. Я переделалась и выскочила из-за перегородки. Пока меня осматривали, очередь стала заметно длиннее и змеилась теперь до самого входа. Для того чтобы покинуть спортзал, мне пришлось дойти до самого ее хвоста, вернуться к точке, с которой стартовала я сама. К началу и в то же время к концу.

По пути на урок я зашла в туалет, расположенный рядом с классом. На двери висела табличка «Женщины», а не «Девочки», и, войдя внутрь, я обнаружила там Дейдрре. Она стояла у дальней раковины и, нагнувшись к зеркалу, красила губы. Заметив меня, она застыла, ярко-красная помада зависла в воздухе.

– Привет, Селеста, – сказала она.

Я спокойно кивнула ей, но сердце у меня стучало как бешеное. Я подошла к средней раковине и принялась искать в сумке расческу. Поправляя прическу, я краем глаза поглядывала на Дейдрре. Она почмокала губами, проверяя, держится ли помада. Наблюдая за ней, я ощутила слабую вибрацию, что-то вроде статического напряжения.

– Что ощущаешь во время превращения? – тихо спросила я.

Она взглянула на меня. Даже белки глаз у нее мерцали.

– Если ты про высокую чувствительность, то я не знаю, как это объяснить.

– Нет, не про нее. – Я и так знала про обострение чувств, которое сопровождало процесс превращения. Такие, как Дейрдре, видели четче, слышали лучше, чувствовали ярче. Все это мне еще предстояло испытать. – Я про остальное. Все это немного пугает.

– Ты про взрослые предсказания или про то, как на тебя мужчины смотрят? – Дейрдре улыбнулась. – Или ты про похищения? Потому что меня это не тревожит.

– Ой нет, не о них. – Я попыталась ответить как можно спокойнее, прозвучать по-взрослому. К тому же пропадали в основном девушки из неблагополучных семей, бездомные или те, что сидели на наркотиках. Так я в то время думала.

– Скажу по секрету. – Дейрдре наклонилась поближе. – Быть превращенкой так круто! Столько власти! Люди смотрят на тебя, в смысле, реально *пялятся*. Хотят тебя, но в то же время уважают. – Она покачала головой. – Взрослые указывают нам, как себя вести, чтобы держать нас в узде, заставить нас бояться. Потому что если мы боимся, то не сможем использовать эту власть в своих интересах.

– В каких интересах?

– Чтобы самим решать, что делать. Чтобы управлять своей жизнью.

Я вспомнила, как накануне мужчины на улице разглядывали Дейрдре. Словно хотели ее уничтожить.

– Будь осторожна, – сказала я. – Превращенки многим рискуют.

Дейрдре поправила подставку мизинцем. Она явно потеряла ко мне интерес. Я засмузилась, уверенная, что она поняла, какой простушкой, трусихой я была.

– Не будь такой серьезной, Селеста. – Она подступила ко мне, и я ощутила, что меня к ней тянет, как Луну к Земле. Она коснулась моего подбородка своими изящными пальцами. Это был взрослый жест, настолько интимный и уверенный, что я в тот момент просто ошалела. Дейрдре дотронулась до меня так, словно хотела обратить мое лицо к небу. Показать мне бесконечность непредсказуемого.

Не успев совладать с собой, я рухнула вперед, не способная больше бороться с этим притяжением. Я упала на Дейрдре и воткнулась лицом ей в шею. Она вся пульсировала, звенела, словно зов сирены. Этот момент был заряжен не сексуальным влечением, а чем-то значительно бóльшим – ощущением нашей ничтожности во всей бесконечности вселенной.

Спустя миг Дейрдре аккуратно отстранилась от меня.

– Все будет хорошо, – уверила она меня. – Помни об этом.

Она собрала вещи и вышла. Я смотрела, как она распахивает дверь – «Женщины», а не «Девочки», – и только потом повернулась к зеркалу. В нем отражалась нерешительная девушка, юная и неискушенная. Едва распрощавшаяся с детством. Я с опаской коснулась пальцами стекла, как будто хотела призвать отражение Дейрдре на замену собственному. Я ощущала себя неудачницей, только упустившей нечто бесценное.

Тогда я в последний раз видела Дейрдре в школе. Ночью она пропала.

Образец плаката о пропавших девушках

ПРОПАЛА

(альтернативный заголовок: ИСЧЕЗЛА)

[Место для фотографии]

[Имя Фамилия]

Возраст:

Рост:

Цвет волос:

Цвет глаз:

Цвет кожи:

Особые приметы:

Где и когда была замечена в последний раз:

Обстоятельства пропажи:

Если увидите ее, немедленно свяжитесь
с [Имя] по телефону [Номер]

4

В тот вечер мы с Майлсом вышли на задний двор, чтобы сыграть в прыгбол – игру, придуманную нами в детстве. Мы по очереди кидали маленький резиновый мячик-прыгун в стену дома, и второй игрок должен был поймать его, прежде чем мячик повторно коснется земли. Это была грубая игра, требовавшая расчета и безжалостности, и играть в нее в постепенно сгущающихся сумерках казалось нам верным решением. Свет угасал, тени удлинялись, и мы кидали мячик все чаще, словно соревновались с уходящим днем.

Я заметила, что жестче всего Майлс играл, когда был выбит из колеи, а сильнее всего из колеи его выбивала недостижимость мечты стать толкователем. Я тоже вкладывала больше силы в броски, когда злилась, но понять, откуда берется эта злость, не могла. В пятнадцать лет я не осознавала, как отношусь к правилам, которым мне полагалось следовать, и рискам, которые мне нужно было учитывать по той простой причине, что я была девушкой. Злость бурлила у меня внутри, заряжая меня азартом. После нескольких раундов прыгбола у меня ныли ладони и болели плечи, а иной раз я даже уходила с синяками.

Пока мы играли, я вспоминала об инспекторе, о губах Дейрдре и бросала, бросала, бросала – с такой силой, что мама высунулась из окна на втором этаже и пожаловалась на шум. Увидев ее силуэт на фоне желтого света, лившегося изнутри, мы осознали, как сильно стемнело и что пора было заканчивать с игрой, хотя мама нас об этом и не попросила.

Мячик был у Майлса. Когда мама закрыла окно и ее темная фигура пропала из виду, он все еще стоял с мячом в руке. Я видела, как он колеблется, как гуляют его бицепсы, и подумала, что он все-таки сделает бросок. Но он кинул хмурый взгляд на заднюю стену дома, и я поняла, что он прикидывал счет.

– Четыре-три, – сказал он, опуская руку. – Ты выиграла. – Он швырнул мячик в траву под забором, где его тут же поглотила тьма.

Мы вошли в дом и обнаружили маму в кухне с телефоном возле уха. Ее ладонь с дрожащими пальцами взлетела ко рту. Лицо превратилось в маску.

– Майлс, – тихо сказала она. – Дейрдре. Она пропала.

«Куда пропала?» – было моей первой мыслью.

Мама развернулась ко мне. Щеки ее пошли красными пятнами – верный знак, что она сейчас раскричится или заплачет.

– Селеста, не стоит тебе это слушать.

– Почему это? Я хочу знать, что происходит.

Майлс положил руку мне на плечо с нежностью. Резкий контраст после жесткой игры в прыгбол.

– Мама права, Селеста. Иди к себе.

– Но я же видела Дейрдре сегодня в школе.

Мама уже не слушала. Она снова прижала телефон к уху и шепотом с кем-то переговаривалась. Через некоторое время она закончила беседу.

– Дело передали властям. – Ее рука осталась на телефонном аппарате, и мама оперлась на него всем своим весом. – Ее родители уже обратились в полицию. Кто-то сообщил, что Дейрдре разговаривала на улице с мужчиной.

– С ней все будет в порядке, – сказала я, но стоило этим словам вылететь наружу, как я засомневалась, стоило ли их произносить. Что-то в этот момент дало трещину, словно реальность разваливалась по кускам.

– Прошу тебя, Селеста, – сказала мама. Она сморгнула слезы. – Иди в свою комнату. Я и так уже слишком много вам рассказала.

Я вышла из кухни, ошеломленная видом плачущей матери, и поплелась к себе наверх. Я бездумно залезла на кровать и зарылась в одеяла. Меня трясло. Сначала дрожали только ноги, но вскоре сильный тремор охватил все мое тело, и я не могла с ним справиться. Я плотнее завернулась в одеяло и вцепилась в край матраса, словно тот был моим якорем. Зажмурившись, я досчитала до десяти. Когда я открыла глаза, меня все еще трясло.

Я знала, что случилось с Дейрдре, и в то же время не знала. Дейрдре была превращенкой, и она исчезла. Значит, ее похитил мужчина. Значит, она обесчещена. Как и всем девочкам, мне с детства внушали, что девушка, пропавшая не по своей воле, а потом вернувшаяся, – иная, испорченная. И никогда ей не стать прежней.

Внизу снова зазвонил телефон. Я зажала уши ладонями. Сдавила их так сильно, что в голове зашумело, как шумит океанский прибой в ракушке. Волна, еще одна волна, другая.

Я пролежала в кровати долгое время. Разглядывала звезды на потолке, всматривалась в них, пока они не начали расплываться, двоиться и порождать себе подобных, – и тут ко мне постучали.

– Войдите, – отозвалась я.

Дверь приоткрылась. Вошел Майлс, следом за ним – родители. Я даже не заметила, что папа вернулся домой. Он много времени проводил на работе, трудясь над новым проектом – рекламным плакатом, который должен был встряхнуть всю индустрию, – поэтому видеть его дома в такой ранний час было очень странно. Или, может, час уже был не ранний. Может, я провалилась в сон?

– Прости меня, Селеста. – Мама стояла, обхватив себя руками. – Мне стоило как-то иначе сообщить тебе о Дейрдре. Я была в шоке.

Я села в кровати и скинула одеяло.

– Есть какие-нибудь новости?

– Выпустили официальное заявление, – сказал отец. – Я на работе услышал.

– Ужасно. – Мама покачала головой, все еще обнимая себя руками. – Просто ужасно.

Майлс внимательно осматривал мою комнату, будто думал, что Дейрдре прячется у меня среди вещей.

– Что именно она сказала тебе днем? – спросил он.

Я ощутила на себе взгляды всех троих.

– Я просто на минуту столкнулась с ней в туалете. Мы поболтали о моем грядущем превращении. – Я не стала упоминать о помаде и о том, что она говорила о власти и выборе. Я опасалась, что тем самым подтвержу, что она сама навлекла на себя беду.

Но опасаться было поздно. Весь город, все родители, учителя и ученики, услышавшие заявление, уже пришли к выводу, что Дейрдре виновата сама. В плен к мужчинам попадали девушки определенного типажа: бунтарки, любительницы флирта, те, что щеголяли своим будущим. Я верила в это всю жизнь. Все мы верили.

Майлс тяжело плюхнулся ко мне на кровать. После игры в прыгбол от него слегка несло потом – этот кисловатый запах напомнил мне, что ему почти восемнадцать, что он почти мужчина, а не тот мальчишка, которым я привыкла его считать.

– Нельзя было мне спускать с нее глаз, – сказал он.

– Это не твоя вина, Майлс. – Отец воздел руки, словно отпуская всем нам грехи. – Дейрдре, видимо, проявила безответственность – потому это и произошло.

Я снова вспомнила про помаду, про то, как Дейрдре наслаждалась новообретенным шармом превращенки. Может, папа был прав. Может, это и правда была ее вина.

– Меня, скорее, тревожит, что ее семья не проявила бдительности, – добавила мама. – Мы делаем вид, что все нормально, но это ведь не так. Совсем не так. – Голос ее надломился.

– Она скоро вернется, – уверила я их. Это был очевидный факт. Когда у девушки заканчивалось превращение, она становилась не такой желанной. Похищенных девушек к этому моменту отпускали. Несколько лет назад случилась череда убийств – тела девушек находили под слоем суглинка в лесу на окраине города, но это было из ряда вон выходящим событием, делом рук одного больного мерзавца. Его поймали и заключили в тюрьму до конца жизни. Справедливость восторжествовала, говорили тогда.

Похищения по сути своей были предсказуемы, хотя отметины на телах девушек никогда не указывали на то, что такое случится. Во-первых, похититель Дейдрре точно был мужчиной. Как-то раз я слышала о женщине, которая ловила превращенок, которая, как и мужчины, не могла устоять перед ними, но это, скорее, была история из разряда городских баек. Мужчиной двигало нечто большее, чем просто сексуальное влечение; ими двигала потребность прочесть наше будущее, отнять у нас то, чем им самим обладать было не суждено.

Во-вторых, мы знали, что ждет Дейдрре после возвращения – сплетни, шепотки, изоляция. Погубленной, испорченной, ей больше нельзя рассчитывать на приличную работу или поступление в университет. Приличные работодатели не нанимали пропащих женщин, и в университеты их тоже не допускали. То, что они подверглись похищению, свидетельствовало о проблемном нраве, склонности к необдуманным поступкам и плохом самоконтроле и указывало на наличие куда более серьезных недостатков. В результате похищение превращалось в вечное клеймо.

Лихорадка вернулась. Она зародилась у меня в животе, затрепетала так, словно туда посадили нечто живое.

– Мне нехорошо, – сказала я. – Я, наверное, еще посплю.

Мама подошла и поцеловала меня в макушку.

– Прости, – снова сказала она. – Мы пойдем, а ты отдыхай.

Когда все ушли, я закрыла глаза и попыталась представить, что сейчас, должно быть, испытывает Дейдрре: она взаперти наедине с мужчиной, шторы в комнате плотно задернуты, вокруг темнота. Мужчина мог опоить ее и удерживать несколько недель, пока у нее не завершится превращение. Когда ее снова коснется дневной свет, она уже не будет прежней.

Ничего нового. Мы могли лишь напоминать превращенкам, что им не стоит гулять в одиночестве в темное время суток, чтобы они держались поближе к скоплениям людей, одевались скромно в течение тех опасных недель. С момента превращения девушки считались женщинами, так что от нас ожидали ответственности, проявления усилий ради собственной безопасности.

Как-то раз в том году на занятиях по анатомии и гигиене миссис Эллис вместо планового урока прочитала нам лекцию о девушках, вернувшихся после похищения. Миссис Эллис была низкорослой, плечистой – фигура как у быка, говорили мальчишки, – и в осторожных выражениях она рассказала, что после возвращения большинство похищенных девушек уезжает из родных мест.

– Если у них есть средства, они могут перейти в Школу-на-горе, – сказала она, но все мы знали, что таких богачей здесь немного. – Другие, – продолжала она, – переезжают к дальним родственникам.

Дело обстояло куда хуже, если у вернувшихся девушек не было связей или возможности переселиться. Некоторые автостопом уезжали подальше отсюда и устраивались на работу официантками, горничными, стриптизершами или кем похуже. Некоторым приходилось жить на улице или в приютах или искать себе компаньонку среди таких же пропащих душ.

И такое существование могло быть предпочтительнее, чем возвращение домой, где похищенных девушек ждала совершенно иная жизнь. Родные их больше не принимали. Общины отвергали их, равно как и университеты, и большинство работодателей. Стигма следовала за похищенными по пятам. Не говоря уже о том, что их отметины – их будущее – тоже могли

похитить, скопировать и размножить, продать и напечатать на игральных картах или в книгах на потребу коллекционерам, находившим удовольствие в обладании отметинами реальных девушек.

– Как только их отметины перерисуют, они могут обнаружиться где угодно, – сказала миссис Эллис. Она проиллюстрировала свою мысль, потыкав пальцем в развернутую поверх доски карту мира, словно вероятное крушение будущего, возможный позор от того, что наши тела стали достоянием общественности, подстерегало нас повсюду. Я поняла, что миссис Эллис на самом деле пыталась нам сказать: мир принадлежит не нам.

Я поглубже зарылась в одеяла и напомнила себе, что тот ужас и риск, выпавшие на нашу долю, ничто в сравнении с тем, с чем сталкивались девушки в других странах, где открыто процветал секс-туризм, существовали речные круизы с превращенками и морские курорты, где превращенок можно было забронировать вместе с роскошным номером в гостинице. Информация, которая по крупницам доходила до нас из-за рубежа, часто была расплывчатой, но со школьной скамьи нас учили испытывать благодарность к нашему прогрессивному правительству. У нас в стране существовали законы против насилия и дискриминации на рабочих местах, были доступны противозачаточные средства, и женщины могли получать такое же образование, как и мужчины. Здесь женщин не арестовывали за подозрительные отметины. Женщина, которой было суждено стать домохозяйкой, все равно имела право окончить школу и даже поступить в какой-то из непрестижных университетов. Мы сами решали, кому показывать наши личные дела. Короче говоря, у нас были права, закон нас защищал, и мы обладали неким личным пространством.

Мы могли убедить себя, что мы в безопасности.

Следующим утром мы с Майлсом шагали в школу сквозь густой туман. Капли влаги оседали у меня на ресницах, и я чувствовала себя словно в коконе, как будто туман оберегал нас от свидетельств пропажи Дейдрре, которые так и лезли в глаза со всех сторон.

За прошедшую ночь родители Дейдрре расклеили объявления об ее исчезновении на всех телефонных столбах в радиусе трех миль. Они разместили на плакате фото Дейдрре, и изображение ее улыбчивого лица, повторяясь, приобретало призрачное, потустороннее выражение, а скрепки поблескивали на фоне бумаги как крошечные серебристые раны. Ее лицо, запечатленное еще до превращения, теперь казалось тенью ее куда более сиятельной версии. Девушка в летящей юбке в классе у Джулии, девушка в школе, красящая губы помадой в золотом футляре, – я не узнавала ее на тех черно-белых плакатах. Казалось, что две версии Дейдрре пропали одновременно.

Когда я взглянула на Майлса, он смотрел прямо перед собой, стараясь не замечать фотографий Дейдрре. Возможно, он считал, что объявления о пропаже – это пустая трата сил. Полицейские создавали видимость поисков Дейдрре, но им и так было известно, что она с мужчиной, который довольно скоро выпустит ее на свободу. Худшее уже случилось, вероятно, сказали они родителям Дейдрре. И теперь оставалось только ждать ее возвращения.

Я могла лишь гадать, какие мысли занимали Майлса, потому что в то утро он был тихим и замкнутым. В очередной раз скрывал свои тайны.

Дойдя до школьного двора, мы с Майлсом разделились. Я нашла Кассандру и Мари возле флагштока: они грели руки в карманах. Самого флага не было видно за туманом.

– Ты в порядке? – спросила Кассандра. На ней был модный черный плащ, которого я раньше не видела. Она выглядела так, будто оделась в траур.

– Нет, – ответила я. – А ты?

Кассандра покачала головой, Мари тоже. Мы по очереди обнялись и посмотрели на школу.

– Пойдемте уже разделаемся с этим. – Кассандра потуже затянула пояс плаща. – Сейчас нам лекцию прочтут, я уверена.

Мари кивнула.

– В нашей школе давно не было похищений. Я сегодня в газете прочла. Уже десять лет как. – Она взглянула на здание. – Нам ни к чему репутация, как у центрального района города.

– Нам еще далеко до этого, – возразила ей Кассандра. – Я слышала, что в старшей школе в центре перестали в этом году проверять посещаемость, потому что прогульщиков и выбывших очень много. И у них самый высокий процент похищений из всех школ в округе.

– Даже одного лишь этого похищения достаточно, чтобы начали проводить сравнения, – сказала Мари. – Как думаешь, Селеста?

Я не ответила.

– Селеста. – Мари прикоснулась к моему запястью. – Ты очень бледная.

Я лишь моргнула в ответ. На Мари был красный ободок, тонкий пластиковый, с зубцами, которые врезались в кожу головы. Такие ободки уже давно вышли из моды. В любой другой день у меня мог бы вызвать раздражение детский вкус Мари в одежде, но в тот момент при виде его мне стало спокойнее.

– Все нормально, – сказала я ей. – Кэсси права, пойдемте уже разделаемся.

Мы направились ко входу, и вскоре нас подхватил поток учениц, двигавшийся в сторону актового зала. Учителя с мрачным видом стояли у входов в свои классы, наблюдая, как мы проплываем мимо них. Случайно столкнувшись взглядом с нашей классной руководительницей – в ее глазах мелькал скрытый ужас, – я отвела глаза и двинулась дальше, позволив толпе нести меня вперед.

В те дни я была примерной ученицей, но к учительницам своим относилась скорее равнодушно. Я не задумывалась о том, что творится у них внутри, об их будущем или прошлом, об их личных целях и мечтах. Напротив, мне не терпелось поскорее окончить школу и попасть в университет, где вместо учительниц у меня наконец появятся профессора, новые возможности, свобода. Туда, где, как я верила, я смогу превратиться в личность, которой мне суждено было стать.

Быть школьницей же означало постоянные ограничения и неусыпный контроль. Приходилось слушать лекцию за лекцией о подобающем поведении и правилах, которые надлежало соблюдать. Даже школьная ассамблея после исчезновения Дейдрре была вариацией на тему все тех же бесед о безопасности, которые проводились с нами из года в год, где нередко нам просто вслух читали «Картографию будущего»: никуда не ходить поодиночке, особенно ночью; не обсуждать наши отметины с незнакомцами; не носить короткие юбки, одежду с глубоким вырезом и другие откровенные вещи и никогда не оставаться наедине с незнакомыми мужчинами. Все эти предосторожности были нужны как раз потому, что отметины никогда не предсказывали похищения – такой поворот судьбы предугадать было невозможно.

Несмотря на то что юношам на этих лекциях о безопасности присутствовать не было нужно – их на время отсылали из классов или пораньше отправляли домой, – их обязывали посещать ассамблею. В тот день мне было противно находиться рядом с ними. Они ерзали, толкались коленями в спинки сидений перед собой, и зал казался слишком маленьким для того, чтобы их вместить. Я завидовала их свободе, тому, с какой легкостью они движутся по жизни. Парни могли позволить себе не обращать внимания на то, что происходило на ассамблее, на то, как директор Рэдшоу выставляет на сцену увеличенную фотографию Дейдрре, как указывает на нее во время речи, как призывает нас не повторять ее ошибки.

Фото было тем же, что и на плакате о ее пропаже – картинкой, которая к тому моменту уже въелась в мой разум. Я вглядывалась в распечатанные глаза Дейдрре, изо всех сил желая обратить ее пропажу вспять и вернуть ее в целости, прежней. То была всего лишь фантазия,

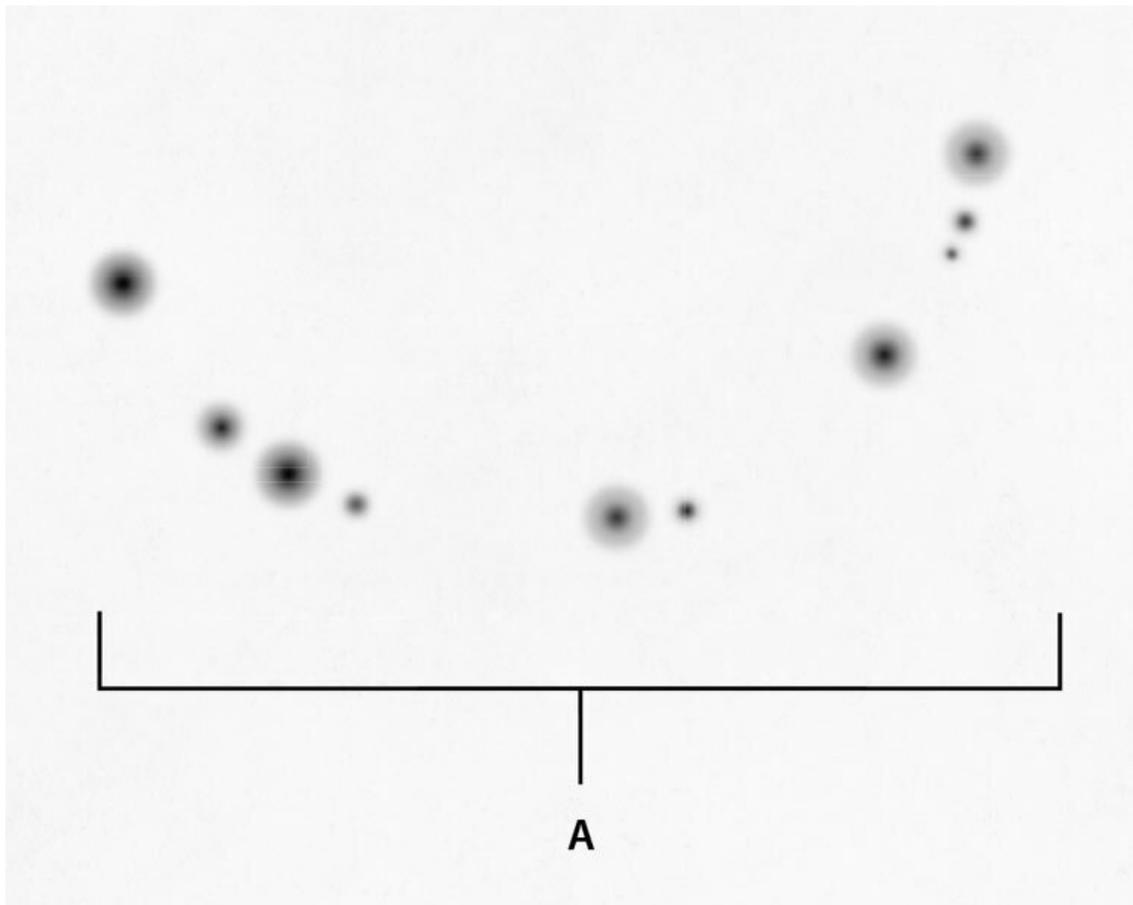
но я не могла от нее избавиться. Весь остаток дня я провела, думая о Дейдре, не забывая о ней ни на секунду.

Ее образ преследовал меня до самого последнего звонка.

Картография будущего: справочник по толкованию девочек и женщин

Категория – Несчастья

Расположение – Левая щиколотка

Скопление А. При подобном расположении значением отдельных отметин можно пренебречь в пользу общей картины. Дугообразная форма и расположение мелких отметин по краям от крупных указывают на многочисленные потери. Подобная комбинация означает горе, но также и силу. Эта комбинация – символ стойкости.

5

После исчезновения Дейдрре мне казалось, что в мире должно было что-то измениться: дни должны были стать короче или длиннее, небеса – темнее или ярче. Я ожидала, что пища сильнее будет обжигать язык, а кислород – легкие. Воображала, что если уколою палец, то кровь не остановится. Думала, что все будет ранить пуще прежнего.

Я ошибалась и в то же время была права. Мир остался прежним, ночь продолжала сменяться днем, а день – ночью, но я все же заметила некий сдвиг внутри собственной семьи. Майлс превратился в мою тень. Он настаивал на том, чтобы провожать меня до школы и обратно, и не раз я, захлопнув шкафчик, обнаруживала, что он наблюдает за мной с другого конца школьного коридора.

Отец тоже стал проявлять ко мне больше внимания после похищения Дейдрре. Каждое утро он завтракал со мной перед школой – непривычный для нас ритуал. Он выходил к столу с чисто выбритым лицом, на ходу повязывая галстук; иногда он затягивал его так сильно, будто хотел наказать сам себя.

– Ты так быстро растешь, – сказал он однажды ни с того ни с сего. Сентиментальность была ему несвойственна, и эти слова застigli меня врасплох. – У тебя со дня на день появятся взрослые отметины, – добавил он, – и ты уже больше не будешь моей малышкой. Ты станешь женщиной. – Он произнес это с неподдельной тоской в голосе.

На третье утро за завтраком я заметила, как напряжены у папы плечи и челюсть, как крепко он сжимает вилку в руке. Я переживала, что его силы на исходе. Я знала, что на работе он занят подготовкой к размещению нового рекламного плаката – этот проект поглотил его с головой. В то время мне было известно лишь то, что бюджет у рекламы был солидный, что это был важный шаг в его карьере и что вскоре его работу повесят на здании банка в самом центре. Я знала, что это вот-вот произойдет, все мы знали, но это не означало, что я была готова к той встряске, которая за этим последовала.

Теперь, задним числом, мне понятно, что тот момент для той рекламы был неподходящим. Если бы ее дебют отложили на пару недель или месяцев, возможно, для папы все сложилось бы лучше – да и для всей нашей семьи. Но на четвертое утро после исчезновения Дейдрре плакат вывесили, как и планировалось. Он тихо возник на своем месте с первыми утренними лучами и дождался, пока город обратит на него внимание.

На баннере была изображена голая женщина – это единственное, что я успела уловить из слухов, которые уже поползли по школе. Я не могла представить ничего подобного, не понимала, как мой отец мог участвовать в чем-то настолько скандальном. Возможно, я бы и вовсе проигнорировала эти слухи, не объявись брат тем утром возле моего шкафчика. Он крепко стиснул мое плечо, словно пытался удержать меня на месте.

– После уроков, – тихо произнес он, – мы сходим в центр и сами посмотрим. – И он ушел, ручейком ускользнув сквозь забитый людьми коридор, и только пульсация в том месте, где он сжал мне плечо, напоминала о том, что он только что был тут.

В тот день мы с Майлсом дошли до центра, не обменявшись ни словом, ни взглядом. Мы выполняли миссию. Дойдя до здания банка, мы надолго замерли рядом, уставившись на него. Так вот что создал наш отец.

Рекламный плакат был и чудом, и катастрофой – триумфом и трагедией одновременно. На нем была запечатлена женщина: ее силуэт очерчивали темные линии, тонкие, как лучи первых звезд в сумерках. Изображение было схематичным – на ней не было отметин, мелкие детали отсутствовали. Она смотрела, развернувшись в полупрофиль, нос у нее был с горбинкой, глаза – с полуприкрытыми веками. Волосы облаками клубились вокруг лица, груди были

полными и округлыми с лихими завитками на месте сосков. Талия ее была обозначена крутым изгибом, пупок – расплывчатым пятном, а то, что ниже, между ног, – мутной тенью.

«Больше чем просто красотка», – гласил плакат. Это была реклама крема для тела. Банка с ним виднелась в нижнем правом углу, но даже мне было понятно, что она здесь ни при чем.

– Поверить не могу, что он и правда на это решился, – наконец произнес Майлс.

– Ты знал об этом? – Я вытаращилась на него.

Он не ответил. Я не стала говорить ему, какие мысли меня занимали – я не могла взять в толк, как наш отец мог придумать такое и почему рассказал об этом Майлсу, но не мне. Как люди оберегали свои тайные стороны от других. Мы с братом отвели взгляды, пристыженные наготой этой женщины. Но меня все же притягивало к ней – возможно, потому что она явно была женщиной, а не девочкой. А может, потому, что казалось, будто она сама выбрала эту наготу и наслаждалась ею, а я сомневалась, что когда-нибудь смогу ощутить такую же уверенность в себе.

Или, возможно, меня приводило в восторг то, что на ее теле не было отметин, не было будущего и суровой реальности, ее поджидавшей. Что она была свободна. Что ее тело принадлежало только ей.

Вернувшись домой, мы с Майлсом обнаружили маму сидящей в кухне в полном одиночестве. Она распахнула окно и придвинула к нему стул. В руке ее тлела тонкая коричневая сигарета, пахшая ванилью и гвоздикой.

– Ты же не куришь, – сказал Майлс.

Она вздохнула:

– Он добьется того, что его уволят. Я ведь его предупреждала.

– Не так уж все и плохо, – бодрым тоном сказала я, но это была ложь. Непристойность рекламы уже связывали с похищением Дейдре. Говорили, что публичная демонстрация плаката такого скандального содержания стала вселенским возмездием или даже предостережением. Утверждали, что в городе процветает разврат, что это может привести к увеличению числа похищений и это безобразия служит тому подтверждением. Ходили слухи, что компания, выпускавшая крем, уже пожалела, что дала добро на эту рекламу, и ее планируют снять.

– Он пошел на слишком большой риск. – Дым сигареты, поднимаясь, огибал скулу матери. – А последствия нам теперь расхлебывать.

Отец уже много лет работал в рекламном агентстве. Это был небольшой семейный бизнес, но та косметическая компания была лишь одним из многих его клиентов. Даже если они и уйдут, размышляла я, другие-то никуда не денутся.

Мама потянулась и затушила сигарету.

– Этот запах тебе в волосы вьется, – сказала она и принялась размахивать руками, чтобы отогнать от меня дым. Я сказала, что мне все равно, но она только замахала сильнее, создавая вокруг меня чистое пространство.

На следующий день после появления плаката мы с Кассандрой сидели рядом во время урока анатомии и гигиены и слушали ежегодную лекцию о переходе ко взрослым отметинам. Мы знали ее практически наизусть, но нам все равно приходилось посещать ее снова и снова. «Невозможно быть полностью готовой к такой колоссальной перемене», – сказала миссис Эллис и включила диафильм, в котором рассказывалось, как все изменится за ночь, пока мы спим. Наши детские отметины исчезнут, а на их месте появятся взрослые, более детализированные скопления родинок. Это будет не больно, никаких особенных ощущений. Абсолютно естественный процесс, монотонно внушал авторитарный голос рассказчика.

Когда диафильм закончился, миссис Эллис поведала о высокой чувствительности, с которой мы столкнемся во время превращения, и о том, что можно контролировать этот шквал

новых ощущений с помощью дыхательных упражнений. Мы несколько раз проделали их всем классом – громко и медленно вдыхали и выдыхали, пока одна из девочек на галерке не расхохоталась.

Миссис Эллис направилась к ней решительным шагом.

– По-твоему, это смешно? – спросила она, имея в виду наши тела, наши жизни, наше будущее. Девочка притихла.

Мы с Кассандрой переглянулись. За пределами класса мы не воспринимали свою телесность с такой серьезностью. Мы обожали обсуждать всякие дикие истории – например, как чей-то знакомый парень вытатуировал на себе отметины, потому что чувствовал себя девушкой. Слышали мы и о девушках, которые считали себя парнями и наносили себе раны, пытаясь избавиться от предсказаний с помощью шрамов. Взрослые о подобном умалчивали, но мы с упоением обсуждали такие истории. Они намекали, что существует куда более обширный и сложный мир, простиравшийся далеко за тесные границы двух гендерных ролей – мужской и женской, внутри которых крутилась наша привычная жизнь.

– Девочки, – сказала миссис Эллис, – надеюсь, что если вы чему-нибудь сегодня и научитесь, так это уважению к себе.

В тот день на уроках мы с Кэсси обменивались записками. Мы писали друг другу послания объемными буквами и сворачивали полоски, вырванные из тетрадей, во все более тугие квадратики, пока те не становились толстыми, негибкими. Конечно, на самом деле наши записки были всего лишь бумагой, которую легко было порвать, или смять, или еще как-нибудь деформировать. Существование их было столь же мимолетно, как и наше детство, которое явно подходило к завершению. И я предвидела, что Кассандра станет взрослой раньше меня. Я чувствовала, что ее превращение уже на носу, ощущала, как с каждым часом оно подбирается все ближе.

Это было в пятницу. А в воскресенье, когда ранним утром мама разбудила меня и позвала к телефону – звонила Кассандра, – я поняла, что была права. Я встала и проследовала за мамой на кухню, прижала трубку к уху. По телефонной связи голос Кассандры все еще был голосом моей подруги, но что-то изменилось. Она вступила в превращение.

Кассандра жила в шести кварталах от нас, в более престижной части района. Я надела кеды и пошла к ней, раздумывая над тем, что скажу ей, когда приду. Представляла, как внушаю ей: *«Будь разумна. Будь осторожна. Ты вступаешь в сложный и опасный период»*.

К тому времени когда я добралась до ее дома, я уже вся вспотела. Я притормозила у дорожки из плитняка, чтобы стереть влагу с висков. Перед домом в колониальном стиле, в котором жила Кассандра, красовался безупречный газон. Несмотря на то что ее родители были в разводе, денег, времени и желания поддерживать респектабельный фасад у них было предостаточно. Это нередко вызывало у меня зависть к Кассандре, но тем утром я была слишком взволнована, чтобы предаваться подобным мыслям. Я вошла, не дожидаясь, пока мне откроют дверь, и поспешила на второй этаж, пока миссис Хан не успела меня перехватить. На взрослых времени не было. Время предназначалось для девушек, или – в случае Кассандры – девушек, ставших женщинами.

Я распахнула дверь в комнату Кассандры и обнаружила ее стоящей в центре спальни, отделанной в пастельных оттенках. Моя подруга, только что вступившая в превращение, стояла, вытянув руки вперед, словно совершала подношение. Голая. С тех пор как мы втроем раздевались, чтобы взглянуть на отметины друг друга, прошло немало времени, поэтому вид Кассандры – изгибы ее талии, бедер, оформившейся груди – стал для меня шоком. Ее тело демонстрировало то, о чем я уже давно была наслышана, но ни разу не наблюдала вблизи: что как только девушка обретает взрослые отметины, она преобразуется.

Мари тоже была там и стояла, вжимаясь в угол, будто пыталась себя сдержать.

– А мы тут тебя ждем. – Кассандра оглядывала свое тело, но с несколько отстраненным видом, словно оно не имело к ней отношения. – Давай со спины начнем. Сама знаешь, как сложно толковать отметины в зеркальном отражении.

Я подошла к Кассандре и легонько провела кончиком указательного пальца от родинки к родинке, словно играя в «соедини точки» между ее лопатками и позвоночником. От моего прикосновения кожа Кассандры пошла мурашками. Она нервно хихикнула и отошла.

– Прости, – сказала она. – Я все еще привыкаю к ощущениям.

– Я не буду сильно давить, – пообещала я.

Новые отметины Кассандры выглядели так, словно были на ней всегда. Тем утром она проснулась, и они уже были на месте, появившись, как и ожидалось, без лишнего шума. Одновременно загадка природы и самое обычное дело. То, что предрекали ее детские отметины, по-прежнему имело значение, даже сейчас, когда они выцвели и пропали, но этот переход к взрослости конкретизировал все прошлые предсказания.

Мари присоединилась к расшифровке отметин. Я смотрела на ее дрожащие пальцы и вспоминала прошлый летний фестиваль, как мы с ней бежали через весь парк к колесу обозрения. Мы протиснулись сквозь скрипящие воротца и влезли в кабинку, которая дико зашаталась, когда мы оказались внутри. Пока колесо поднимало нас ввысь, мы перегнулись за борт, чтобы поглазеть на ярмарку сверху. Но вместо этого увидели нашу одноклассницу Веронику, которая ехала в кабинке под нами, и бледные луны ее груди, смотревшие прямо на нас из выреза платья. Мари вздрогнула и так резко отшатнулась назад, что наша кабинка закачалась. Я взглянула на нее – ее лицо густо покраснело.

То же происходило и в комнате Кассандры. Словно зачарованная, Мари не могла отвести глаз от тела нашей подруги и медленно заливалась краской.

– Все хорошо, Кэсси, – наконец произнесла она. – Я не вижу болезней, и тебя ждет удачное замужество.

– Смотри сюда. – Я указала на скопление бледных родинок у нее на бедре. – Ты здорово преуспеешь в карьере.

– Да, но в чем именно? – Кассандра вытянула шею, чтобы посмотреть самой. – Мама так и не смогла разобраться, я тоже не понимаю.

Мы с Мари некоторое время изучали кожу Кассандры, но все было без толку. Мы не могли рассмотреть в ее комбинациях ничего конкретного, было понятно лишь то, что в целом они означают что-то хорошее. Мои собственные детские отметины сообщали нечто столь же туманное: никаких подробностей, помимо того, что однажды я буду работать с Майлсом и что работа будет подразумевать какой-то кропотливый труд. Я-то, конечно, еще могла надеяться, что обретение взрослых отметин поможет мне прояснить будущее. Но у Кассандры такой роскоши больше не было. Она стала женщиной, и в этих отметинах заключались последние предсказания, какие когда-либо у нее появятся.

Мы заглянули в «Картографию будущего» (у экземпляра Кассандры был золоченый обрез) и сверились с комбинациями, означавшими карьеру, но не смогли найти такие, которые идеально повторяли бы те, что были у Кассандры. Я прижала палец к правому бедру Кассандры и прикрыла глаза. Я надеялась почувствовать легкую вибрацию, которую испытывали лучшие толкователи во время своей работы, но так ничего и не ощутила. Бездарность.

Я открыла алфавитный указатель справочника и повела пальцем по листу, пока не наткнулась на словарную статью «*Ожидания, неоправданные*». Все мы слышали байки о паре, сыгравшей свадьбу (потому что так обещали отметины невесты), но спустя несколько лет подавшей на развод, или о женщине, которая родила ребенка, несмотря на отметины, сообщавшие, что она бесплодна. Чаще всего в таких случаях достаточно было лишь снова обратиться к «Картографии будущего» и еще раз сравнить с ней отметины, чтобы выяснить их истинное толкование.

Пока я читала, Кассандра увлеченно разглядывала свою руку. Похоже, обзавестись новыми отметинами было все равно что влюбиться в саму себя. Я опять вспомнила Дейдрре в школьном туалете – как близко она склонилась к зеркалу, чтобы накрасить губы той помадой. Она была столь же уверена в себе и решительна, как и нынешняя Кассандра. А потом она пропала.

Я выпустила книгу из рук и схватила Кассандру за плечо.

– Будь осторожна.

Она моргнула.

– С чем?

– Со всем. Я не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что и с Дейдрре.

Кассандра лишь отмахнулась от моих слов, и это пренебрежение было хорошо мне знакомо. Она стала превращенкой, но в то же время оставалась все той же девочкой, которая наперегонки со мной мчалась по пирсу на озере и бешено сигала в воду в надежде поднять побольше брызг.

– Тебе нужно к профессионалу. – Я подобрала с пола вещи Кассандры и бросила их ей. – К той, кто лучше нас понимает, что могут означать такие отметины. И нам стоит пойти к ней прямо сейчас, не дожидаясь государственного осмотра. А то он еще нескоро.

Кассандра колебалась, прижимая одежду к груди, словно щит. Затем натянула ее – медленно и осторожно, так, будто каждый слой одежды придавливал ее.

На первом этаже миссис Хан ждала нас в прихожей, перегородив путь к двери. На ней была безукоризненная белая туника и нефритовые бусы, но этот элегантный вид омрачало напряжение, написанное на ее лице. Она вся была словно натянутая струна.

– Ты ведь не думаешь, что я отпущу тебя куда-то в первый же день превращения? – Ее воспаленные глаза следили за движениями дочери. – Это слишком опасно. Особенно после того, что случилось с Дейдрре.

– Ну мы ведь говорили уже об этом, – возразила ей Кассандра. – Помнишь? Сейчас светло, я с подружками. Все будет нормально.

– Я пойду с вами, просто на всякий случай.

– Мам, но ты же мне обещала. Ты слово мне дала, что не станешь сажать меня под замок, когда я вступлю в превращение, или ходить за мной по пятам, будто я младенец.

Миссис Хан помолчала.

– Верно. Девушки нуждаются в самостоятельности. Твой отец всегда говорил, что, как только у тебя появятся взрослые отметины, все встанет на паузу. Никакой школы, никаких вечеринок – ничего такого, пока не минует опасность. Но я не стану держать собственную дочь в заложниках.

– Вот именно. – Кассандра положила руку на плечо матери. – Кроме того, Дейдрре гуляла допоздна, и я слышала, что она флиртвала с мужчинами. Ты же знаешь, что мы не настолько глупы.

Взгляд миссис Хан скользнул по прихожей – по столику с гранитной столешницей, по вешалке, по блестящему паркету. Она вобрала в себя всю эту красоту и затем повернулась ко мне.

– Мы ходим к Джулии, она учит моего брата, – сказала я. – Возможно, она сможет разобраться в том, какая именно карьера ждет Кэсси в будущем.

Упоминание загадочных отметин, относившихся к будущей карьере Кассандры, сработало. Миссис Хан глубоко вздохнула и отошла от двери.

– Держитесь больших улиц. Идите напрямиком к Джулии, а потом сразу обратно, – сказала она. – Если хоть кто-то к вам приблизится, не стесняйтесь кричать. Цельтесь в пах, если до этого дойдет. Поняли, девочки?

Мы закивали. Выходя из дома, Кассандра и Мари завели разговор о возможных вариантах работы. Я осознала, что Кассандра впервые на моей памяти проявляет такой живой интерес к своей будущей работе. Возможно, я знала ее хуже, чем думала. И уж точно тогда не представляла, что она изменится настолько, что однажды я вообще перестану ее узнавать.

Всю дорогу до района толкователей мы не сбавляли шага. Миновав арку с надписью «Будущее – это судьба», мы поспешили вперед по мощеным улицам – вдалеке уже виднелся домик Джулии. Красный кирпич, три этажа, узкий фасад – место, где будущее обретало упорядоченность.

Когда Джулия открыла дверь, я подтолкнула к ней Кассандру.

– Это моя подруга Кэсси, – сказала я. – У нее только что появились взрослые отметины.

– Вижу. Поздравляю, Кэсси. – Джулия теребила пояс мягкого серого халата, который был накинут поверх пижамы, и с сомнением разглядывала нас. – Но я не работаю по воскресеньям, и дело явно не срочное.

– Пожалуйста! Нам нужно кое-что истолковать.

Джулия заметила выражение, с которым я на нее смотрю, и смягчилась.

– Ладно, – сказала она. – Я быстренько посмотрю, а потом вы пойдете восвояси.

Джулия увела Кассандру к себе в кабинет, а мы с Мари остались ждать в приемной. Я убивала время, сворачивая и разворачивая сцепленные в крендель руки.

– Ты паникуешь, – тихо заметила Мари. Она накрыла мои ладони своей рукой. – С Кэсси все будет в порядке.

– Ну ты же ее знаешь. – Описать Кассандру такой, какой я иногда ее видела – импульсивной, несдержанной, хвастливой, – было бы предательством, так что я сдержалась. – Я просто волнуюсь за нее, вот и все.

– С ней все будет в порядке, – повторила Мари.

Она была слишком наивна, чтобы сознавать риски. Возможно, это было связано с тем, что ее воспитала кроткая мать. Лично я знаю, что выросла бы совсем другой, если бы моя мама имела привычку скрывать каждый дюйм своей кожи и не желала показываться на людях или работать в не сугубо женских коллективах. Несмотря на то что мама Мари не заставляла ее одеваться, как кроткие, другие их стороны жизни – такие, как акцент на традиционных гендерных ролях, – все равно проникали в распорядок дня моей подруги. Мари ходила на кружок домоводства в школе и умела делать то, чего не умела я – например, шить по выкройкам и сервировать стол для официальных приемов.

– Мне просто хочется, чтобы все осталось как раньше, – сказала я.

– Поздно для этого, – покачала головой Мари.

Я притихла. Из угла приемной доносилось тиканье напольных часов. Я сосредоточилась на этом звуке и ждала, ждала, пока наконец дверь в конце коридора не распахнулась и из нее не показалась Кассандра с сияющими глазами.

– Джулия говорит, что у меня будет карьера в какой-то престижной области, скорее всего, в медицине, – сообщила она. – Она считает, что эта комбинация может помочь мне попасть в медицинский университет.

– Как здорово. – Я и не подозревала, что Кассандра мечтала стать врачом, но если ее отметины указывали на такой исход, то это все меняло. – Она что-нибудь еще сказала?

– Только то, что мы и сами уже истолковали. С будущим мужем я пока не знакома, так что встречи с ним придется подождать.

Я взглянула на подругу и представила себе жизнь, которая, как она считала, была ей уготована – профессиональный успех, хорошее материальное положение, любовь к еще не знакомому мужу. Кассандра, конечно, воспримет это все как само собой разумеющееся. Ей и в голову не придет, что все это может пойти прахом.

– Подождите здесь, – сказала я подругам. – Я сейчас.

Я направилась в кабинет Джулии. Она сидела за рабочим столом и смотрела в коридор, как будто дожидалась меня. Возможно, она чувствовала, как я нервничаю, как часто стучит мое сердце.

– Селеста. Заходи.

Я села.

– Кэсси вроде довольна. Вы сказали ей именно то, что она хотела услышать.

– Я сказала ей все как есть.

– Может быть, вам стоит предостеречь ее. – Пока я произносила эти слова, взгляд мой привлек документ в рамке, висевший на стене позади стола. Надпись была на латыни.

– Что это такое? – спросила я.

Джулия оглянулась.

– Это мой университетский диплом.

– Я не знала, что вы окончили университет. – Несмотря на то что профессиональным толкователям полагалось получать лицензию на работу и придерживаться свода определенных правил, за высшим образованием они обычно не гнались. Толкование было отдельным искусством, которое не укладывалось ни в одну из академических дисциплин.

– Когда-то я думала, что стану кем-то другим. Инженером, например. На это, по крайней мере, надеялся мой отец, – хохотнула она. – А мама вообще хотела, чтобы я стала домохозяйкой, как она сама. У меня пять братьев и сестер. Представляешь? Но такой вариант будущего отмер, когда у меня появились взрослые отметины. На мне, как на бумаге, было написано: ни замужества, ни детей.

– Ужасно. – Я предполагала, что Джулии было немногим за тридцать и она все еще могла родить ребенка, но никогда не задумывалась, суждено ли ей вообще иметь детей. Видимо, считала, что она просто еще не успела обзавестись семьей.

Но моя оценка, похоже, ее не задела.

– Меня настигло мое истинное будущее, – сказала она. – Став толковательницей, я помогаю людям, особенно юным девушкам. А материнство и так никогда не входило в мои мечты.

– Ну наверное. – В мой голос закралась нотка сомнения.

– Знаешь, – продолжила Джулия, – я давным-давно поняла, что могу прожить ту жизнь, которая подходит именно мне, а не кому-то еще. Возможно, и ты однажды это осознаешь.

Я почувствовала себя оскорбленной, хотя и не поняла почему.

– Я и так знаю, кем хочу стать. Психологом.

– Прекрасно. Я лишь имею в виду, что иногда наши природные способности могут стать сюрпризом. Как в случае с твоим братом и его талантом к толкованию. Такое не предскажешь.

– Может, и так, но он же еще юн. Нет смысла продолжать его обучение.

– Ты удивишься, Селеста, но у него настоящий дар.

Но я-то в будущем сюрпризов не ожидала. Особенно для самой себя – мягко скажем, довольно посредственной толковательницы.

– Смотри, – сказала Джулия, – я тебе покажу.

Она обошла стол и поставила левую ногу на край моего стула. Она закатала штанину и открыла мне свою щиколотку, которую браслетом окружало скопление отметин. Я чуть не ахнула.

– О, Джулия. – Я наклонилась поближе. Перед моими глазами было созвездие, которое предрекало несчастье. – Что именно это значит?

– Смотри, какой разброс значений. – Она указала на мелкие родинки, окружавшие скопление более крупных – светлые отметины смешивались с темными. – При таком количестве возможных вариантов дать точное толкование почти невозможно. Единственное, что я с уверенностью могу сказать, сверившись с «Картографией будущего», – это скопление указывает

на грядущую потерю. – Она взглянула на меня. – Когда твой брат впервые его заметил, он присел и долго его изучал. Разобраться так и не смог – смысл подобных предсказаний проясняется только со временем, – но он смысленный парень, у него отличная интуиция, и он не пасует перед трудностями. У него дар, Селеста.

– Но ведь он же юноша. У него нет будущего в толковании.

– Я верю в него и верю, что он отыщет свой путь. Вот что важно. – Она опустила штанину и убрала ногу с моего стула. – Знаешь, ты во многом на него похожа. Если он что-то задумал – так тому и быть. Насколько мне известно, у тебя столь же серьезные планы насчет твоей карьеры. – Она взглянула в мое лицо. – Позволь спросить, чем тебя так влечет сфера психологии?

Задумавшись, я отвела взгляд. Меня никогда не спрашивали, почему я хочу стать психологом. Когда учителя или родители друзей узнавали, кем я хочу быть, они обычно просто улыбались, словно я сказала что-то забавное. Иногда отпускали шуточки о психоанализе – например, что в моем присутствии им стоит следить за словами, иначе я разгадаю все их секреты.

– У меня был знакомый психолог, – нерешительно произнесла я. – Мамина подруга. Мы виделись давно, я была совсем маленькой. Когда мы ходили к ней домой, она разрешала мне играть с ассоциативными карточками.

– Помню такие. Когда-то они были очень популярны. На каждой карточке был рисунок, просто чернильное пятно – так?

– Ага, двухцветные пятна: черно-красные. – Я кивнула. – Я обожала эти карточки. Мамина подруга объяснила мне, что показывает их пациентам и спрашивает, что они там видят. У каждого свой ответ, сказала она, потому что дело не столько в картинке, сколько в том, что каждый человек на нее проецирует. Меня очень заинтересовало, насколько по-разному работают наши умы и как мы раскрываем свою суть, всего лишь описывая, что видим на картинке.

Джулия пристально смотрела на меня.

– По тому, как ты это объясняешь, кажется, что ты ведешь речь об искусстве толкования.

– Это совсем другое, – поспешила возразить я. – Мастерство толкователя состоит в том, чтобы разобраться, что именно сообщает предсказание. Как с отметинами у вас на шиколотке – они говорят о конкретном событии в будущем, пусть даже это будущее нам пока неизвестно. А у психологии нет таких узких рамок. – Я сделала паузу. – Мне нравится мысль о том, что выбор есть. Что общая картина подразумевает больше одного ответа.

– Логично. И все же твои слова указывают на то, что из тебя может выйти отличный толкователь. Как и из Майлса.

Джулия вечно все сводила к толкованию. Они с моим братом смотрели на мир с одного угла – как на одну длинную череду предсказаний, которые нужно было просто разгадать.

Я медленно поднялась.

– Мне пора. Подруги меня заждались, и мама Кассандры дожидается нас дома.

– Конечно. – Джулия тоже встала. – Если вас с девочками нужно проводить до дома, я буду рада с вами пройтись.

Я покачала головой и сказала Джулии, что мы пообещали маме Кассандры держаться вместе и нам не страшно. Мне казалось важным сообщить это Джулии, подчеркнуть нашу храбрость. Словно убедив ее, что мы сильные, умные и осторожные, я могла убедить в том же и себя.

Мы с подругами вышли от Джулии и быстро зашагали по улицам. Арка осталась где-то позади, и мы попали в самое сердце города: вот суд, вот старый каменный храм с покосившимися надгробиями, а вот штаб-квартира банка, на которой висел плакат с папиной рекламой. Возле банка царил какой-то суета, толклись мужчины, и я инстинктивно оцепенела.

– Все в порядке, – сказала Мари. – Им не до нас.

Я снова посмотрела в ту сторону. Один мужчина придерживал лестницу у белой стены, а другой на нее взбирался. Я стояла и разинув рот смотрела, как первый угол плаката отклеился от стены и повис. Следом отклеилась вся верхняя половина.

– Пойдем, Селеста, – сказала Кассандра. – Нам не стоит на это смотреть. – Они с Мари мягко потянули меня и зашагали по бокам от меня, словно это я была той, кого нужно беречь.

Они велели мне не оглядываться, но я все равно это сделала. Я смотрела, как папина реклама оседает и сминается. Смотрела, как скукоживается красивое лицо, как схлопывается одинокое обнаженное тело. Смотрела, пока плакат не повис целиком, готовый отвалиться. Смотрела, пока не заболела шея, пока подруги не заставили меня отвернуться.

Я услышала, как он упал – где-то позади.

Справочник по толкованию девочек и женщин

Приложение IX: гендер и сексуальность

Вследствие многочисленных запросов касаясь сдвигающегося представления о гендере и сексуальности коллектив авторов принял решение добавить в данное издание «Картографии будущего» следующее приложение:

В соответствии с установленными вариантами толкования любые романтические отношения, упоминаемые на страницах этой книги, подразумевают узаконенный вид сексуальности, то есть союз мужчины и женщины, который отвечает культурным и социальным нормам приличий. Тем, кто поддерживает однополые связи, будет отказано в государственном финансировании. Кроме того, определения «мужского» и «женского» пола относятся исключительно к полу, указанному при рождении. Любые вмешательства в природное расположение отметин – татуировки, шрамирование и прочие способы их намеренного деформирования, нанесенные с целью изменить свою половую принадлежность, – считаются правонарушением.

В качестве государственного органа, которому подотчетны все вопросы, связанные с отметинами и их толкованием, Министерство будущего осуществляет единоличный контроль над официальными изданиями «Картографии будущего», доступными гражданам этой страны, и не несет ответственности за содержание дополнений, вносимых в издание за рубежом. Гражданам следует помнить, что иностранные издания могут содержать неточности или искажения, внесенные как по ошибке, так и намеренно.

6

На следующий день Кассандра заявила в школу с пачкой розовых приглашений. Это была стопка плотных перламутровых карточек с тисненой надписью: «*Мисс Кассандра Хан приглашает вас в эту субботу на вечеринку в честь своего взросления*». Мое приглашение было адресовано не только мне, но и моим папе, маме и брату – наши полные имена возвышались над гладью бумаги.

Кассандра стояла возле моего шкафчика, перебирая оставшиеся приглашения. Она была взволнована, вся вибрировала нервной энергией, исходившей от нее, как пар, поднимающийся от раскаленного асфальта после летнего дождя. Она хотела, чтобы все было идеально. Хотела, чтобы главной темой вечеринки была она, а не созданный отцом плакат, похищение Дейдрре или еще что-то отвлеченное. Думаю, она имела на это право. Это был ее час.

Устраивать вечеринку в честь собственного превращения я не хотела – что было к лучшему, учитывая, что мои родители в жизни не сумели бы организовать такое вычурное празднование, как у Кассандры. Так уж у нас повелось с самого начала. Из-за того, что мы с Майлсом родились в один день, мы с детства отмечали этот праздник вместе. Мама покупала готовые разлинованные пригласительные в универсаме и заполняла их от руки. Каждый год у нас случалась война за внешний вид приглашений: Майлс хотел с роботами, я – со стрекозами. Компромиссом обычно становился рисунок с воздушными шарами. Нам даже в голову не приходило попросить у родителей приглашения двух разных видов или, если уж на то пошло, два отдельных праздника. Отцу на работе платили меньше, чем ему хотелось бы; плюс существовали всяческие долги и прочие взрослые проблемы, которых мы с Майлсом в то время не понимали. Мы лишь знали, что денег у нашей семьи было где-то между «хватает» и «маловато».

В тот день в школе меня поразило, сколько приглашений раздала Кассандра. Оливия, ученица выпускного класса, игравшая главные роли во всех школьных мюзиклах, замедлила шаг, когда проходила мимо нас. Кассандра покопалась в стопке приглашений и всучила ей карточку.

– Приходи ко мне на праздник, – жизнерадостно прошептала Кассандра, – в субботу.

Оливия улыбнулась. В школе она считалась восходящей звездой, девушкой, которую обожали все и приглашали всюду, но она явно была не против удостоить вечеринку своим присутствием. Я была уверена в этом, как не ошиблась и в предсказании, что парни весь день будут ходить за Кассандрой хвостом, словно она их королева.

Приглашение от моей подруги стало предметом вожделения, символом успеха в обществе. Быть приглашенным к ней на вечеринку означало попасть в ее мир красоты, богатства и перспективного будущего. Весь день то тут, то там перед глазами у меня мелькала та пачка пригласительных – напоказ несомая по коридорам, намеренно демонстрируемая в классе. Я сунула свою карточку в учебник истории, но периодически приоткрывала книгу, чтобы ее потрогать. На ощупь бумага была шелковистой, гладкой. Даже не видя ее, можно было ощутить ее ценность.

Вернувшись из школы, я обнаружила, что дома пусто. Мама была у врача, а папа – все еще на работе. У Майлса был частный урок с Джулией. Я задавалась вопросом, откуда взялись деньги на эти его занятия и каким это образом он их заработал.

Пару лет назад, когда его пригласили на курс фотографии и попросили оплатить пленку, бумагу и реактивы, Майлс проявил изобретательность. Он сделал листовки о том, что готов выгуливать собак, и развесил их по всему нашему району. Он пытался сидеть с детьми, но мало кто был готов доверить ребенка мальчишке. Как-то раз мы с ним обошли соседей, предлагая

подстричь им газоны или прополоть клумбы от сорняков, но в итоге я так сильно обгорела, что кожа облезала еще пару недель.

Майлс не сдавался. Он был твердо настроен попасть на тот курс фотографии и решительно искал способ на него заработать. Он снова заручился моей помощью – в этот раз мы решили поучаствовать в районной гаражной распродаже. Мы несколько часов копались в своих старых игрушках и выволокли во двор все ненужные предметы домашнего обихода. Величайшим жертвоприношением Майлса стал найденный им в гараже набор для игры в крокет. Набор был дорогой, из настоящего дерева, с шарами, увесистыми, как пушечные ядра. Он выставил набор для крокета на видное место перед нашим домом и полдня просидел возле него на складном стульчике, но набор так никто и не купил. В конце концов я решила сделать перерыв и прогулялась по улице, оценивая силы конкурентов. В тот момент Майлс и помощь ему в сборе денег стали не так уж для меня важны. На передний план вышло мое собственное любопытство, мой зарождающийся интерес к человеческой душе.

Именно на той распродаже я отыскала свою первую книгу по психологии – «Устройство разума». На внутренней стороне обложки была фотография автора, доктора Лорен Кистербош – в черном костюме, с авторитетно скрещенными на груди руками. Я купила книгу на мелочь, которую отыскала в карманах. Когда я вернулась домой, Майлс рассердился. Он сказал, что смысл гаражной распродажи в том, чтобы заработать денег, а не потратить их, но я возразила ему, что книга стоила всего двадцать центов – то есть почти ничего. Плюс это были мои деньги, а потом книга, которую я водрузила на самое почетное место на своей книжной полке. Она все еще там стояла, выделяясь красным корешком на фоне остальных моих книг.

Дома я выложила приглашение на вечеринку Кассандры на кухонный стол и ушла в свою комнату. Я направилась напрямик к книжному шкафу, решительно настроившись не думать о том, как Майлс расплачивается за свои уроки толкования. Как-то же выкручивается – он всегда находил способ добиться своего, когда чего-то очень хотел. А мне было пора сосредоточиться на собственных интересах.

Я сняла «Устройство разума» с полки, где оно теснилось рядом с другими книгами по психологии, которые я смогла раздобыть: это были старые учебники, которые я нашла в букинистическом магазине, уцененные труды малоизвестных специалистов, расхваливавших те или иные теории, биографии великих людей. Большинство этих книг вышло из-под пера мужчин, и портреты их авторов были напечатаны на задней стороне обложки во всю ее ширину. Седые, бородатые, в костюмах, с блестящими узлами галстуков. Я совершенно в них не разбираюсь – не только в авторах, но и в самом содержимом книг. Даже «Устройство разума» доктора Кистербош, за изучением которого я провела больше всего времени, я понимала лишь частично. Материал был слишком сложен для меня, непостижим, и мне не терпелось повзрослеть и увидеть во всем этом смысл. Я думала, что жизнь – она такая: достигаешь определенной отметки – и бац, все сразу становится ясно.

Довольно долго я просидела на полу, листая «Устройство разума», выхватывая абзацы с сухим анализом человеческой психики, сделанным доктором Кистербош. Вскоре мои мысли снова вернулись к Майлсу. Я думала об игре, в которую мы играли в подвале, как он смотрел мне прямо в глаза и умалчивал настолько суровую правду. Меня волновало, что еще он мог от меня скрывать, какие тайны отделяют нас друг от друга.

Я оставила книги на полу и тихонько зашла в комнату Майлса. Такая у меня была традиция: рыскать в его вещах, пока его не было дома. Я осторожно пробиралась между его вещами и книгами, раскиданными по комнате, – моей целью был его стол, – и тут наткнулась взглядом на конверт. Адресатом было Министерство будущего, конверт был подписан рукой брата, и когда я подняла его с пола, оттуда выскользнул лист бумаги и сам собой развернулся в моих руках. Шпионаж всегда был для меня чем-то эдаким – внетелесным опытом, тем, за что я, по собственному убеждению, не несла ответственности.

В моих руках было ходатайство о внесении дополнения. Я быстро проглядела содержимое, ожидая увидеть обыкновенный технический запрос, но вскоре кровь бросилась мне в лицо. Брат ходатайствовал перед Министерством будущего о создании специальной учебной программы по толкованию для мужчин. Лишь потому среди толкователей преобладали женщины, доказывал мой брат, что эта работа считалась женской, из-за чего мужчины отказывались от нее, убежденные, что она находится вне сферы их компетенций. В результате строгая гендерная граница потенциально лишала мир мужских талантов.

«Наше государство запрещает открытую дискриминацию женщин на рабочих местах, и мужчины должны иметь такое же право овладеть профессией толкователя, как и женщины, – писал он. – Препятствие работе мужчин в данной области подкрепляет устаревшую гендерную политику и необоснованно лишает талантливых мужчин возможности приносить ценный вклад в сферу толкования». Далее он выдвигал мысль, что, для того чтобы отсечь опасения насчет их возможных посягательств на девушек, мужчины должны проводить толкования в присутствии женщин-ассистенток. То есть кого-то вроде сопровождающих или медсестер, которые находятся в кабинете, когда доктор-мужчина обследует девушек или женщин.

Я опустила письмо, но на место его так и не вернула. Эта идея казалась мне безнадежной. Авторами «Картографии будущего» были исключительно мужчины, но это не означало, что они отнесутся к запросу брата с пониманием. Редакторская группа была печально известна своими консервативными взглядами, и дополнения в «Картографию будущего» вносились чрезвычайно редко. Последнее дополнение, призванное сделать акцент на гендере и сексуальности, едва признавало то, что влечение к лицам своего же пола и отношения с ними вообще существуют. Майлс требовал от авторов слишком резкого скачка вперед. И еще, на мой взгляд, предложение его было нецелесообразным. Девушкам никогда не будет спокойно в присутствии мужчин-толкователей. Это же очевидно.

В те подростковые годы я еще не видела разницы между официальными каналами и неформальными – теми, где зарождался истинный прогресс. Дополнение к «Картографии будущего» действительно в конце концов опубликует, но совсем не в той форме, какую изначально запрашивал Майлс. В последующие годы я буду покупать исправленное и дополненное издание, но не для себя, а для девушек, которых ждало иное будущее – то, какое в те времена я не могла даже вообразить.

Я все еще держала в руках письмо, когда Майлс вернулся домой и взбежал вверх по лестнице. Он сделал шаг в свою комнату и, увидев меня, замер.

Я подняла письмо.

– Что ты задумал?

– Я пытаюсь изменить систему. – Он подошел и выдернул бумагу у меня из рук. – Не пускать в профессию талантливых людей – это расточительство.

– Ты же знаешь, что в «Картографии будущего» говорится о мужчинах-толкователях. – Я подошла к стеллажу с его книгами и отыскала домашний экземпляр справочника. Я сняла его с полки и пролиставала до раздела «Мужчины и толкование». – Женщину метит сама природа, но мужчина лишен отметин, и истолковать его невозможно, – зачитала я вслух. – По этой причине мужчинам не рекомендуется выбирать толкование в качестве профессии. В искусстве толкования ни один мужчина не сравнится с женщиной, и мужчинам не следует питать иллюзий относительно своих способностей в этой области. У мужчины есть своя роль: управлять обществом, устанавливать законы и нести ответственность за будущее в более широком понимании. В то же время область домашних и частных дел находится в ведении женщины.

– Знаю я, что там говорится. – Майлс был взбудоражен. – Смотри на вещи шире, Селеста. Возможно, мужчины потому не считаются способными, что их никогда как следует не обучали или им самим не приходило в голову себя в этом пробовать. А может, Министерство будущего

всерьез не рассматривало такую возможность, потому что никто за нее не боролся. Я готов этим заняться.

Я, как и брат, хорошо понимала, каково это – столкнуться с ограничениями из-за твоей половой принадлежности. Моя книжная полка, полная трудов по психологии, написанных мужчинами, была весомым тому подтверждением. Но в то же время я ни за что не захотела бы раздеться перед мужчиной-толкователем, присутствуя рядом с ним ассистентка или нет. В реальной жизни нам ни разу не встречались мужчины-толкователи – те немногие, что занимались этим, жили в городах покрупнее. И их работа все равно считалась баловством.

– Тебя Джулия заставила? – спросила я. – Я же тебе говорила, что-то с ней не так.

– Нет. Это моя идея, но Джулия ее поддерживает. Она знает, что у меня есть талант. Знает, кем я могу стать.

Я пробежалась глазами по последним предложениям в разделе «Мужчины и толкование» и прочла их про себя: «Наша позиция по этому вопросу ясна и конкретна: бремя необходимости истолкования несет женский пол, а значит, именно женщины лучшим образом приспособлены к познанию тонкостей сего вида искусства. И мужчина в данном вопросе женщине не ровня».

– Ладно, сейчас это все неважно, – сказал он. – Мне пора идти.

– Куда?

Майлс мне не ответил. Он наклонился и покопался в куче одежды. Отыскав темно-синюю толстовку на молнии, он накинул ее себе на плечи. Я впервые заметила, что руки у него дрожат.

– Майлс. Скажи мне, что происходит.

Он даже не поднял на меня глаз.

– Дейрдре, – наконец произнес он. – Она вернулась.

Книга в руке у меня словно налилась свинцом.

– Вернулась?

– Я только что узнал. Пойду ее проведаю.

– Я уверена, что сейчас она не захочет оставаться с парнем наедине. Я пойду с тобой.

– Так себе идея. – Майлс застегнул толстовку. – Поверь мне.

На мгновение я испугалась, что лихорадка сейчас вернется и меня так скует ужасом, что я не смогу двигаться. Но нет. Я должна была увидеть Дейрдре, своими глазами увидеть, что с ней случилось.

– Я иду с тобой, – твердо сказала я и вернула «Картографию будущего» на место в книжном шкафу Майлса. На ее корешке тускло поблескивали золотистые буквы. Но походили они не на звезды, а на пару глаз, наблюдающих за мной. Знавших, что со мной происходит и чему еще предстоит произойти.

По словам Майлса, Дейрдре нашли без сознания, выброшенной где-то на аллее. Врачи «Скорой помощи» выбрали ее и увезли в больницу, где она провела четыре дня, восстанавливаясь в отделении реинтеграции. Только после этого ее отпустили домой. Ни официального заявления, ни торжественной встречи, ни праздника в честь возвращения домой. Будто она все еще числилась пропавшей.

Дейрдре жила на окраине нашего района, примерно в миле от нас, в простом кирпичном домике, укрытом зарослями винограда. Мы пересекли заросший газон, прошли мимо покосившейся ржавой кормушки для птиц, свисавшей с сосны возле входа, и громко постучали в парадную дверь. Родители Дейрдре тут же нас впустили. Похоже, они были рады, что хоть кто-то решил навестить их дочь.

Поднявшись наверх, мы нашли Дейрдре в кровати. Она исхудала, словно не ела много дней. Волосы ее были подстрижены до подбородка, что показалось мне странным – может, это сделал ее похититель? А может, и родители – в попытке сделать ее неузнаваемой – или, может,

медсестры в больнице, или это сделала сама Дейрдре, потому что знала – теперь она другой человек.

Майлс сел за письменный стол, а я устроилась на полу, скрестив ноги. Я заметила, что на Дейрдре не было ее подвески с опалом – пропала еще одна яркая частичка ее.

– Как ты? – спросил Майлс.

Дейрдре уставилась на него без всякого выражения.

– Я ничего не помню – это единственное, что я сейчас понимаю.

Мы с Майлсом кивнули. Похитители накачивали девушек наркотиками, чтобы те вели себя тихо и послушно. Эти наркотики также стирали память, и некоторые поговаривали, что такой побочный эффект был весьма кстати.

Дейрдре перевела взгляд на меня. Во мне бурлила куча вопросов к ней – вопросов, которые я ни за что не осмелилась бы задать вслух. Какие ощущения были у нее в теле, на коже, чувствовала ли она его запах до сих пор. Знала ли, кем он был, как ее мучил, что с ней делал. Даже представить это было страшно, но я все равно представляла: как мужчина оголяет, терзает, ранит Дейрдре. Ломает всю ее жизнь. То, что ее волосы были острижены, казалось уместным – она была обрезана, как деревце, обрублена у самого корня. Вот такие мысли роились у меня в голове – мешанина из непристойных подробностей, – и избавиться от них я не могла. Я ощущала себя монстром, даже просто размышляя о том, что пережила Дейрдре, но крошечная часть меня отчаянно, оголтело желала узнать больше.

Дейрдре все еще смотрела на меня. Я испугалась, что она почуяла, какие гротескные сцены разворачиваются в моем воображении.

– Я кое-что тебе принес. – Майлс достал пакетик с двумя красными пилюлями. На его ладони они выглядели как две капли крови.

Дейрдре потянулась вперед, встав на колени прямо в кровати, и с нее свалился плед. Я не могла отвести глаз от ее тела – ее хрупкого, травмированного тела, лишённого сияния, поскольку ее превращение завершилось. Теперь она была женщиной, бледной копией девушки, которую я видела в школьном туалете всего пару недель назад, но было в ней что-то новое. В ней была сила. Без нее, решила я, Дейрдре не пережила бы насилия.

– Кровоцвет, – произнесла она с трепетом в голосе. Майлс вытряхнул пилюли из пакетика ей в ладонь.

– Где ты их взял? – спросила я. Кровоцвет был под запретом. Я знала, что достать его было нетрудно и хранение его наказывалось лишь административным штрафом, но все же.

– Знаю кое-кого, – сказал он таким тоном, словно этого было достаточно.

Несколько лет назад к нам в школу пригласили выступить бывшего зависимого от кровоцвета. Он был тощий, на его жилистых руках и шее выступали вены. Он рассказал нам, как за годы употребление кровоцвета оторвался от реальности. Как от обычной полноценной жизни скатился к той, что строилась на фантазиях и галлюцинациях. Он потерял вес, потерял друзей, потерял работу. Все, чего он хотел, – это глотать красные пилюли и уплывать в иную плоскость бытия. А вернувшимся девушкам мог пригодиться другой эффект кровоцвета: он помогал восстановить воспоминания о том времени, когда они были в плену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.